

ЛЮБОВЬ  
СТРАСТЬ  
ИНТРИГИ  
ОПАСНАЯ  
ИГРА

# Партия ВСЛЕПУЮ

— ♦ Мегамегафон ♦ —

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# МегаМегафон МегаМегафон

## Партия вслепую

<https://litres.ru/74614787>

SelfPub; 2026

### Аннотация

Аннотация

18+

Очень откровенно. Очень страстно. Очень жёстко.

Не для слабонервных. Не для романтиков.

Для тех, кто готов к правде.

Когда Лика узнала об измене мужа, она решила отомстить — переспать с мужем его любовницы. Она написала ему дерзкое письмо с предложением сыграть в шахматы на желание. Он согласился. Но когда она проиграла и оказалась с завязанными глазами в его постели, она поняла: месть — это игра, в которой фигуры расставляет кто-то другой. А утром её ждал главный мат. Тот, кто, по словам подруги, был её целью, на самом деле сидел за рулём и даже не знал о её существовании.

**# ВНИМАНИЕ: СОДЕРЖАНИЕ НЕ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ!**

Откровенные сцены, психологическое давление, BDSM-элементы. Читать на свой страх и риск.

# Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| Глава 1                           | 5   |
| Глава 2                           | 12  |
| Глава 3                           | 22  |
| Глава 4                           | 31  |
| Глава 5                           | 39  |
| Глава 6                           | 45  |
| Глава 7                           | 52  |
| Глава 8                           | 58  |
| Глава 9                           | 64  |
| Глава 10                          | 69  |
| Глава 11                          | 77  |
| Глава 12                          | 83  |
| Глава 13                          | 90  |
| Глава 14                          | 96  |
| Глава 15                          | 102 |
| Глава 16                          | 108 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 110 |

# **МегаМегафон**

## **Партия вслепую**

Партия вслепую

# Глава 1

Лике двадцать четыре. Она работает в отделе закупок, пьёт растворимый кофе из бумажных стаканчиков и каждое утро гладит блузки. Она красивая, но не знает об этом. Она скромная, но не потому, что стесняется, — просто привыкла, что её не замечают.

До сегодняшнего дня.

Настя ворвалась в кабинет без стука. Глаза горят, пальцы сжимают телефон так, что побелели костяшки.

— Я нашла её.

Лика оторвалась от монитора. Мир поплыл.

— Кого?

— Ту самую. С кем твой Кирилл... Ну ты поняла.

Она не плакала уже три дня. Думала, что выплакала всё. Но внутри всё сжалось в холодный тугой узел.

Настя схватила её за руку и потащила к лифту.

— Она выходит через пять минут. Смотри сама.

Они стояли у стеклянных дверей чужого офисного центра. Солнце било в глаза, и Лика шурилась. А потом дверь открылась.

Из здания вышла женщина. Высокая. Брюнетка. Идеальный макияж, платье от дорогого бренда — Лика такие видела только в витринах. Она шла не спеша, с королевской осанкой. Секретари у входа приветствовали её по имени —

Екатерина Владимировна.

Женщина села в чёрный внедорожник. За руль сел мужчина. Крупный, в строгом костюме, с короткой стрижкой. Он открыл ей дверь, подождал, пока она устроится, и только потом сел сам.

А на заднем сиденье уже ждал другой мужчина. В дорогом пальто, с сединой на висках. На вид — под сорок. Лицо умное, волевое, холёное. Он кивнул женщине, и та улыбнулась. Спокойно. Собственнически. Машина уехала.

Лица смотрела, как тает в потоке чёрный внедорожник, и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Это она? — голос сел.

Настя смотрела в телефон. Та же фотография в соцсетях — совместное фото с Мальдив, женщина и тот самый мужчина с сединой.

— Да. Сто процентов. Андрей Сергеевич. Совладелец этой компании. Он и есть её муж.

— Ты уверена?

— Лица, я тебе говорю — это она. Они вместе работают. Она — его заместитель. У них общий кабинет. Я всё проверила.

Лица прижалась спиной к холодной стене. В голове не укладывалось.

Зачем? Зачем изменять такому мужчине с Кириллом?

Кирилл — вечно мятая рубашка, прыщи на спине, привычка чавкать за едой. Он покупал ей цветы раз в год и то на

восьмое марта. А этот... от этого пахло властью и деньгами, даже сквозь тонированные стёкла.

— Я не понимаю, — прошептала Лика.

Настя обняла её за плечи.

— Поехали домой. Тебе надо выпить.

Неделя прошла как в тумане.

Лика выставила Кирилла за дверь. Собрала его вещи в мусорные пакеты и выставила на лестничную клетку. Квартира была её — она получила её от бабушки, и никто не мог выгнать её на улицу. Он стоял, открывал рот, как рыба, пытался что-то сказать, но она захлопнула дверь. И даже не плакала.

Она не плакала — она застыла. Как будто внутри всё умерло. Она ходила на работу, пила кофе, отвечала на звонки, но сама себя не чувствовала. Думала только о том, какой она была душой. И о том, как он спал с этой идеальной женщиной, а утром целовал её, Лику, в щёку и говорил: «Я на работу».

И о том, зачем он ей. Зачем этой королеве мужчина из второго сорта.

Они сидели в спальне у Насти. Бутылка красного почти допита. За окном — ночь. Лика сидела на кровати, положив голову на колени, и смотрела в стену.

— Я не могу, — сказала она тихо. — Не могу отпустить. Как он мог? Как он посмел? Я же давала ему всё. Всё, что у меня было.

Настя помолчала. Потом отставила бокал.

— Знаешь, что тебе поможет?

Ли́ка подняла голову.

— Ты переспишь с её мужем.

Ли́ка поперхнулась. Дёрнулась. Бутылка упала, красное вино растеклось по ковру. Она попыталась встать, запуталась в ногах и рухнула с кровати на пол, больно ударившись локтем.

— Ты с ума сошла?! — закричала она. — Он даже не посмотрит на меня! Ты его видела? Это же... это другая планета! Он ездит на «Мерседесе», а я езжу на метро. Я для него никто!

Настя спокойно подошла, помогла ей подняться.

— А ты найди подход.

— Какой ещё подход?!

— Ну, не знаю... — Настя задумалась. — Я слышала, он фанат шахмат. Серьёзный фанат. У него дома целая комната для партий. Ты играешь неплохо. Подойди и скажи: «Здравствуйте, я слышала, вы любите шахматы. Давайте сыграем. На желание».

Ли́ка посмотрела на неё, как на сумасшедшую.

— Ты предлагаешь мне просто так подойти к совладельцу компании, который даже не знает о моём существовании, и пригласить его на шахматную партию на желание?

— А что? — пожала плечами Настя. — Нормально. Дерзко. Ему сорок, он устал от одинаковых. А тут — интеллектуальный вызов. Ты же умная.

Лица фыркнула, но где-то внутри что-то кольнуло. Не надежда. Нет. Что-то другое. Дерзость. Безумная, иррациональная мысль: А что, если?

— Только как я ему это донесу? — пробормотала она. — Я даже не знаю, где он живёт.

— Электронный адрес, — сказала Настя.

— У тебя есть?

— А если и есть?

Настя с загадочным видом покопалась в телефоне. Лица знала, что Настя работает с корпоративными заказчиками, у неё доступ к базам. Но чтобы настолько...

— Есть, — сказала Настя. — Андрей Сергеевич. Рабочий ящик. Ну что, напишем?

Лица смотрела на неё, открыв рот. В голове билась одна мысль: Это безумие. Это самый глупый поступок в моей жизни.

Но она кивнула.

Они сели рядом на кровать. Настя диктовала, Лица печатала. Пальцы дрожали.

«Здравствуйте. Меня зовут Лица. Простите за наглость, но я наслышана о вашей страсти к шахматам. Я играю достойно. Предлагаю одну партию. На кону — желание победителя. Если вам неинтересно — удалите. Я пойму. Если согласны — напишите время и место. Буду ждать. Лица»

Отправили.

Лица упала на подушку и прикрыла глаза.

— Он никогда не ответит. Он даже не заметит. У таких, как он, почта забита сотнями писем. Наше уйдёт в спам. Или он просто не станет связываться с неизвестной дурочкой.

— Тогда отправим голубя, — усмехнулась Настя.

Лица засмеялась. Впервые за две недели — по-настоящему, от души. Она смеялась так, что заболели бока.

— Голубя, представляешь? — выдохнула она. — «Уважаемый Андрей Сергеевич, к вам прилетел почтовый голубь из будущего...»

И в этот момент телефон Лики — тот, что лежал на тумбочке — коротко и резко завибрировал.

Обе замерли.

Настя медленно взяла телефон. Прочитала. Глаза расширились.

— Он ответил.

Лица села рывком. Сердце стучало где-то в горле, настолько громко, что она не слышала собственного дыхания.

Настя прочитала вслух:

«Лица, добрый вечер. Уважаю смелость. Согласен. Завтра, 20:00, клуб «Гамбит». Одна партия. Одно желание. Вход по моему приглашению. Буду ждать. Андрей»

Тишина.

Лица перечитала сообщение три раза. Потом посмотрела на Настю. Потом снова на экран.

— Он, ему сорок лет, — прошептала она. — сорок, Настя. А мне двадцать четыре.

— И что?

— Он не будет со мной... Я ему не нужна.

— У тебя будет партия, — ответила Настя. — А там — посмотрим.

Ли́ка не спала всю ночь. Она смотрела в потолок, перебирала в голове, как войдёт, что скажет, как сделает первый ход. Она не знала, что эта встреча — через двадцать четыре часа — перевернёт её жизнь так, что она сама себя не узнает.

Она не знала, что тот мужчина, что сидел в машине, — вовсе не муж Екатерины Владимировны.

Она не знала, что настоящий муж — водитель за рулём. Тот, кого она даже не рассмотрела. И что Настя ошиблась. И она ошиблась тоже.

Она не знала, что проиграет партию.

И что её желание исполнится — но совсем не так, как она думала.

Но она вошла в клуб «Гамбит» ровно в восемь.

И села напротив мужчины, который ждал её.

А дальше — началась совсем другая жизнь.

Та, о которой она никогда не просила.

## Глава 2

Ли́ка не спала всю ночь. А когда рассвело — поняла, что не может думать ни о чём, кроме шахматной доски и его глаз. Она сидела на работе, смотрела в монитор, но цифры расплывались. Начальник спросил, не больна ли она. Она со-  
врала — мигрень.

В обед она позвонила Насте.

— Я не поеду. Не могу. Это безумие.

— Ли́ка, ты чего? — голос Насти был спокойным, даже скучающим.

— А что, если я проиграю? Что, если он скажет: «Отдай мне свои органы»? Или ещё хуже — «Отруби себе палец»?

— Ты ненормальная, — засмеялась Настя. — Почему он должен говорить такое?

— Я не знаю! Я просто боюсь! Он сорокалетний мужчина, который привык получать всё. Он может придумать что угодно!

— Тогда скажи ему сразу, — оборвала её Настя. — Когда сядете за стол, огласи, чтобы он не смел требовать ничего жестокого, незаконного или того, что может тебя покалечить. Ты же взрослая, Ли́ка. Договаривайся.

Ли́ка замолчала. Настя была права.

— Ладно, — выдохнула она. — Но ты поедешь со мной.

— А кто тебя наряжать будет?

Они приехали к Лике домой в шесть вечера. Настя открыла шкаф и начала выбрасывать вещи на кровать. Свитера, джинсы, блузки — всё летело в сторону.

— Нет, нет, нет... — бормотала она. — Ага! Вот это.

Из глубины шкафа она достала чёрное длинное платье. Спереди — строгое, с высоким воротником и длинными рукавами, закрытое до самой ключицы. Но сзади — огромный вырез, открывающий всю спину. До самой поясницы.

— Ты с ума сошла! — ахнула Лика. — Это слишком откровенно!

— Именно то, что надо, — усмехнулась Настя. — Спереди — недотрога. Сзади — соблазн. Он будет смотреть только вперёд и представлять, что у тебя сзади.

Лика покраснела, но надела платье. Оно сидело идеально — подчёркивало талию, делало её выше, стройнее, старше.

— Ты женщина, — сказала Настя, глядя на неё в зеркало. — А не девочка из отдела закупок. Помни это.

В этот момент телефон Лики пиликнул. Она взяла его и прочитала:

«Жду вас с нетерпением. Андрей. P.S. Вход по приглашению. Могу прислать водителя, если нужен»

Они переглянулись.

— Может, отправить водителя? — с сомнением спросила Лика.

— Нет. Сама. Иначе он подумает, что ты слабая, — ответила Настя.

Лика кивнула и нажала: «Спасибо, не нужно. Буду сама».

Через сорок минут такси остановилось у здания, которого Лика никогда раньше не видела. «Гамбит». Вход был скрыт от глаз прохожих — массивная чёрная дверь без вывески, только маленькая табличка с латинской буквой G. Настоящий закрытый клуб.

Она показала приглашение на телефоне швейцару в идеальном костюме. Он кивнул, открыл дверь и жестом пригласил внутрь.

Внутри было тихо. Мягкий свет, тяжёлые портьеры, кожаные кресла. Никакого шума, никакой музыки. Только запах дорогого дерева и старого табака.

— Сюда, пожалуйста, — сказал провожатый.

Он провёл её по длинному коридору, остановился перед такой же массивной дверью, постучал, открыл и отступил.

Лика шагнула внутрь.

Комната была огромной. Тёмные стены, единственный источник света — старинная люстра над большим столом из красного дерева. И он.

Андрей Сергеевич сидел за столом, откинувшись в кресле. Белая рубашка, расстёгнутая на верхнюю пуговицу, пиджак небрежно висел на спинке стула. В пальцах — наполовину пустой бокал с тёмным вином.

Он медленно перевёл взгляд с её глаз на губы, потом на шею, потом — на то, что скрыто платьем. Она чувствовала его взгляд как прикосновение. Это было тяжело. Так тяже-

ло, что она не поняла, как не развернулась и не побежала на выход.

Он встал. Не спеша. Обошёл стол. Приблизился.

— Лика?

Голос низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой.

Она кивнула. Горло пересохло.

— Андрей, — выдавила она.

Он протянул руку. Она вложила свою. Он поднёс её к губам и поцеловал, глядя ей прямо в глаза. Дыхание перехватило.

Что я здесь делаю? Что я здесь делаю?! — билось в голове.

— Лика, прошу, — он мягко указал на стол. — Я предлагаю сначала поужинать и познакомиться поближе. Если вы, конечно, не против.

Она сглотнула и неожиданно для себя ответила:

— Я не против.

Она сама не верила, что сказала это. Он подвинул стул, усадил её, придвинулся ближе, взял бутылку.

— Вино?

Он начал наливать, но Лика положила руку на край бокала.

— Я не буду.

— Совсем чуть-чуть, — сказал он мягко. — Для аппетита.

Она убрала руку. Он налил.

Помолчали. Он смотрел на неё внимательно, с лёгкой улыбкой. Она смотрела в стол. Потом подняла глаза и встре-

тила его взгляд.

— Вы смелая женщина, Лика. Не каждый рискнёт написать незнакомому мужчине с таким предложением.

— Я не всегда такая, — честно призналась она. — Просто... произошло кое-что. И я хотела почувствовать, что контролирую хоть что-то.

— И поэтому вы выбрали шахматы?

— Я люблю шахматы. В них всё ясно. Фигура, ход, результат. В жизни сложнее.

Он усмехнулся и отпил вино.

— А если я скажу, что жизнь — это тоже шахматы? Просто доска больше, и фигур больше.

Она улыбнулась краешком губ.

— Тогда я пока только пешка.

Он засмеялся. Искренне. От души.

— Превосходно, — сказал он. — Вы остроумны. Мне сейчас очень сильно захотелось с вами поиграть.

Они перешли к шахматному столу в углу комнаты. Масивная доска из чёрного дерева, фигуры ручной работы, лампы с зелёным абажуром. Он сел напротив, она — напротив. Разница в возрасте, статусе, опыте — всё исчезло, остались только клетки и фигуры.

Он подвинул к ней белых.

— Я предлагаю закончить этот вечер здесь, — сказал он тихо. — Если вы откажетесь от своих слов.

Лика подняла бровь.

— Почему я должна отказываться? Вы же не потребуете у меня органы?

Он удивлённо моргнул.

— Простите?

— Ну, — она пожала плечами, — я переживала, что вы загадаете что-то жестокое. Отрубить палец, отдать почку... Вы же понимаете, я вас не знаю.

Андрей смотрел на неё с неподдельным изумлением. Потом улыбнулся широко, открыто, по-мальчишески, и покачал головой.

— Лика. Я не буду просить вас отрубить палец или отдать органы. Обещаю. Ничего, что нельзя поправить. Ничего, что оставит след на вашем теле. Честное слово.

Она выдохнула. Невидимая тяжесть упала с плеч.

— Тогда играем.

Она сделала первый ход — пешкой. Он ответил симметрично. Тишина. Только щелчок фигур и дыхание.

— Вы учились в шахматной школе? — спросил он, делая ход конём.

— Дед научил, — ответила она, перекрывая его атаку. — Садил напротив себя с пяти лет. Сначала я плакала. Потом начала выигрывать.

— У вас агрессивный стиль. Я такого не ожидал.

— Спасибо.

— Это был комплимент.

Они играли молча. Лика видела, что её позиция слабеет.

Он закрывал её со всех сторон, методично, красиво, без суеты. Она пыталась контратаковать, но он предвидел её ходы за три шага вперёд.

Через сорок минут она поняла — мат через два хода.

Она подняла глаза. Он смотрел на неё с уважением.

— Вы играете превосходно, — сказал он. — У меня давно не было такого сильного соперника.

— Я проигрываю, — тихо сказала она.

— Я предлагаю закончить игру, — мягко произнёс он. — Мы можем считать ничью.

— Почему?

— Потому что я вижу — вы боитесь. И я не хочу, чтобы вы думали, будто я наслаждаюсь вашим страхом.

Лица посмотрела на него долгим взглядом. Он был серьёзен. В его глазах — не насмешка, не превосходство. Только уважение.

— Я дала слово, — сказала она твёрдо. — Я не отступлю. Играем до конца.

Он помедлил. Потом медленно кивнул.

— Хорошо.

Он сделал ход. Она ответила. Ещё один — и её король оказался под шахом.

— Мат, — сказал он тихо.

Она смотрела на доску несколько секунд, потом подняла глаза.

— Ну что ж, — выдохнула она. — Это достойный проиг-

рыш. Теперь говорите своё желание.

Он откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди, и долго смотрел на её лицо. Что-то промелькнуло в его взгляде — она не могла разобрать.

Потом он полез во внутренний карман пиджака и достал чёрную повязку. Из мягкой ткани. Шёлк.

Протянул ей.

— Завяжите глаза.

Она замерла. Сердце пропустило удар.

— Зачем?

— Это моё желание, Лика. Вы проиграли. Правила есть правила.

Она посмотрела на повязку. Потом на него.

Несколько секунд она колебалась. Мышцы спины окаменели.

Потом она взяла повязку, поднесла к глазам и завязала. Он помог.

Темнота. Полная.

Она слышала, как он встал. Шаги обошли стол. Остановились за её спиной. Она чувствовала его тепло, запах одеколона, смешанный с вином и табаком. Он наклонился к самому уху — так близко, что она почувствовала его дыхание на коже.

— Теперь слушайте меня, — сказал он шёпотом.

Его руки легли на её плечи. Он поднял её бережно, почти невесомо. Она встала, сердце колотилось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев.

— Я боюсь упасть, — прошептала она.

— Доверьтесь мне.

Он подхватил её на руки — одним движением, легко, как ребёнка — и понёс. Она чувствовала его грудь, его дыхание, слышала, как открылась тяжёлая дверь — он толкнул её плечом.

Он поставил её на пол. Она стояла в полной темноте, с завязанными глазами, не понимая, где находится.

— Я готов исполнить твоё желание, — сказал он. — То, ради которого ты придумала эту шахматную партию.

Она замерла.

— Это нечестно, — сказала она хрипло. — Говорите ваше желание. То, которое я должна исполнить.

Тишина. Потом она услышала, как он приблизился сзади. Его руки легли на её талию — широкие, тёплые. Он прижался к ней плотно, и его голос прозвучал у самого уха:

— В эту ночь ты будешь послушной. И будешь делать то, о чём я попрошу.

Она сглотнула. Слюны во рту не было.

— Хорошо, — сказала она еле слышно. — Говорите.

— Для начала... покажи мне стриптиз.

Она оцепенела.

— Что?

— Стриптиз. — Он отступил на шаг. Где-то в комнате мягко заиграла музыка — негромкая, в ритме, джазовая.

— Я... я не умею.

— Станцуй для меня. Раздеваясь. Не открывая глаз. —  
Пауза. — Ты же сказала, что будешь послушной.

Она стояла, сжимая руки в кулаки. Пот, страх, злость, возбуждение — всё смешалось в комок в животе.

Он добавил:

— Если хочешь уйти — даю тебе последний шанс. Больше не дам.

Она молчала. Сердце колотилось в рёбра, в горле, во всём теле.

Потом она сделала глубокий вдох.

— Нет, — сказала она. — Я станцую.

## Глава 3

Она начала двигаться. Медленно. Неуверенно.

Её руки дрожали, когда она поднесла их к плечам. Платье сползло с одного плеча — чёрный шёлк скользнул по коже, открывая ключицу. Потом второе плечо. Платье держалось только на груди и на талии.

Она слышала его дыхание. Он стоял близко. Так близко, что она чувствовала жар его тела через воздух.

Он сделал глоток вина. Потом его рука легла на её затылок, пальцы запутались в волосах, и он прильнул к её губам. Она почувствовала, как вино перетекает из его рта в её — тёплое, терпкое, с привкусом его губ. Она хотела сделать шаг назад, но он держал её.

Она хотела переспать с ним. Это было её тайным желанием. Классический секс. Свет приглушён, одежда аккуратно сложена на стуле, ничего лишнего. Но это... это было нечто другое. Она не знала, что делать с этим.

— Глотай, — прошептал он.

Она сглотнула. Вино обожгло горло.

Он повторил. Ещё глоток. Она снова проглотила. И ещё. На третий раз он не отстранился — засунул язык в её рот, исследуя, властно, жадно. Так, как никто и никогда не целовал её. Даже муж. Особенно муж.

Он отстранился.

— Продолжай.

Она слышала, как он отошёл и сел в кресло. Где-то справа. Наблюдал.

Она продолжала.

Руки потянулись к спине, нащупали молнию. Платье поползло вниз. Сначала открылись плечи, потом грудь. Она не носила лифчик — платье было сшито так, что не требовал. Ткань скользнула по животу, по бёдрам, упала к ногам. Она осталась в одних трусиках. Тонких, чёрных, кружевных.

Она стояла перед ним, не видя его, но чувствуя его взгляд кожей. Он молчал. Тишина давила.

— Продолжай, — сказал он снова. Голос стал ниже. Тяжелее.

Она сняла трусики. Медленно. Медленнее, чем могла. Просто чтобы оттянуть неизбежное.

Теперь она стояла перед ним полностью обнажённой. Впервые в жизни. Она никогда не стояла так ни перед кем — даже перед мужем. Всегда просила выключить свет, отвернуться, прикрыться простынёй. А сейчас — здесь, в темноте с завязанными глазами, под его взглядом, который она не видела, но чувствовала каждой клеткой — она стояла и не понимала, что с ней происходит.

Она не чувствовала стыда. Только странное, пьянящее освобождение.

Она услышала, как он встал. Шаги. Он приближался.

Его губы коснулись её шеи — сначала легонько, потом

жарко, с языком, с зубами. Она вздрогнула. Потом он опустился ниже — ключица, грудь. Обвёл языком сосок, прикусил. Она закусила губу, чтобы не застонать. Он опускался всё ниже — живот, бедро. Она чувствовала, как его дыхание обжигает кожу там, внизу.

— Тшшш, — прошептал он. — Ты сегодня послушная.

Он сел на пол перед ней. Его руки легли на её бёдра, раздвинули их. Она почувствовала его губы там. Язык. Мягкий, влажный, настойчивый. Она вцепилась в собственные кулаки, сжала зубы, не зная, куда деть руки. Что происходит? Что он делает? Почему мне... нравится?

Это было неправильно. Это было слишком. Это было не она.

Но тело откликалось. Тело знало, что делать, даже когда разум отказывался.

Он встал. Она услышала его дыхание — тяжёлое, сбившееся. Потом его руки подхватили её — он поднял её на руки, как пушинку.

Она вскрикнула от неожиданности.

— Не бойся, я не уроню тебя, — сказал он спокойно.

Он нёс её куда-то. Несколько шагов. Она чувствовала, как он наклоняется, как под её спиной оказывается что-то мягкое. Кровать. Шёлковые простыни. Он опустил её на них бережно, почти нежно.

Потом она услышала щелчок. Её левую руку подняли, и что-то холодное и мягкое обхватило запястье. Щелчок — и

рука зафиксирована.

Правая рука — тот же звук.

Она начала дышать чаще. Глубже. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах. Страх? Возбуждение? Она не знала. Или это был просто он — его запах, его голос, его власть над ней?

— Я... — начала она.

— Ты моя сегодня, — перебил он.

И в тот же миг что-то округлое, мягкое оказалось у неё во рту. Шарик с ремешками. Он застегнулся у неё за головой — она не могла говорить. Только мычать. Только дышать.

Она была полностью в его власти. Руки зафиксированы. Ноги — те же щелчки, и она чувствовала, как мягкие ремни обхватывают её лодыжки, разводят в стороны. Она лежала перед ним полностью открытая, полностью беспомощная, полностью его.

Его руки скользнули по её телу. Они были влажными — чем-то скользким, маслянистым. Он массировал её грудь, живот, бёдра, внутреннюю сторону бёдер. Каждое прикосновение отдавало электричеством.

— Теперь ты будешь делать то, что я скажу. И ничего больше. Ты поняла?

Она замотала головой. Слёзы потекли по щекам. Она начала брыкаться, пытаясь освободиться. Всё внутри кричало: НЕТ. Я НЕ ХОЧУ. Я СОЖАЛЕЮ. ЗАЧЕМ Я ПРИШЛА? ЗАЧЕМ ПРЕДЛОЖИЛА? ПОЧЕМУ НЕ ОТКАЗАЛАСЬ?

Она билась в ремнях. Мычала. Трясла головой из стороны в сторону.

Он наклонился к самому уху. Горячее дыхание обожгло кожу.

— Уже поздно, — прошептал он. — Я предлагал уйти. Ты отказалась.

Она хотела крикнуть: **Я НЕ ЗНАЛА, ЧТО ЭТО БУДЕТ! Я ДУМАЛА, БУДЕТ ПО-ДРУГОМУ!** Но шарик во рту не давал произнести ни звука. Только мычание. Только слёзы.

Он не обратил на них внимания. Или сделал вид.

Его руки продолжали гладить её. Масло делало кожу скользкой, чувствительной. Она ненавидела это. Ненавидела себя. Но тело начинало дрожать от прикосновений — и она ненавидела тело ещё больше.

Он поднялся над ней. Она чувствовала его — твёрдого, горячего. Он раздвинул её бёдра шире, и она ощутила, как он упирается в неё. Большой. Слишком большой.

Она замычала. Забилась. Замотала головой.

Но он вошёл.

Медленно. Жёстко. Она почувствовала резкую, острую боль — как будто её разрывают изнутри. Она закричала через кляп, дёрнулась, но ремни держали крепко. Он продолжал двигаться. Каждый толчок отдавался болью внизу живота. Она сжала зубы на шарике, слёзы текли по вискам в волосы.

Она не знала, сколько это длилось. Минуты. Вечность.

Потом он замер, напрягся и кончил в неё. Горячо. Глубоко.

Она лежала неподвижно. Дышала. Пыталась не разрыдаться.

Он отстранился. Она слышала его шаги, потом шуршание — салфетки. Он вернулся и начал вытирать её. Сначала между ног. Потом бёдра, живот. Мягко. Почти нежно.

Она не шевелилась.

Потом она почувствовала что-то иное. Холодный, гладкий предмет коснулся её между ног. Игрушка. Она дёрнулась, но он уже ввёл её внутрь — медленно, ровно. А одновременно его губы накрыли её клитор. Она не могла пошевелиться. Не могла остановить это.

Тело предало её. Снова. Волна накрыла неожиданно — конвульсивно, сильно, заставляя её выгибаться на простынях, мычать, биться в ремнях. Оргазм ударил так, что она потеряла дыхание.

Она ненавидела себя за это.

Он снова вытер её салфетками. Молча. Спокойно. Потом щёлкнули ремни на ногах — он освободил их.

Она выдохнула. В голове билось: Всё. Сейчас я встану. Убегу. Уйду. Забуду эту ночь, как будто её не было. Просто сотру. Никогда не вспоминать.

Но он не освободил руки, только ослабил цепи. Вместо этого он развернул её. Животом вниз. Грубо, но не больно. И прошептал ей на ухо такие слова, что любая женщина сошла бы с ума. Низко, хрипло, срывающимся голосом — про то,

какая она мокрая, какая тёплая, какая покорная. Про то, как он хотел её с первой секунды. Как она сводит его с ума.

Она ненавидела эти слова. И они проникали внутрь, куда-то глубоко, где она не хотела их слышать.

Он поставил её на четвереньки. Она чувствовала его руки на своих бёдрах, как он приподнимает её, как сажает на своё лицо. Его язык — там. Пальцы — в ней. Он придерживал её так сильно, что она не могла упасть, и ласкал так нежно, что эти два движения казались несовместимыми.

Она кончила в третий раз. Без спроса. Снова предала себя.

Потом он встал сзади. Вошёл. Жёстко. Грубо. Схватил за волосы и потянул назад — больно, до слёз. Двигался быстро, глубоко, рыча — как первобытный человек. Звук, который она никогда не слышала от мужчины. Она чувствовала его пальцы в своих волосах, его дыхание на шее, его тело внутри себя.

И он снова кончил в неё.

Потом всё затихло.

Он развернул её на спину. Она лежала, чувствуя, как тело дрожит мелкой дрожью. Не от холода. От всего.

— Ты... — сказал он тихо. — Ты была великолепна.

Она не ответила. Не могла.

— Тихо-тихо, — прошептал он. — Я уберу сейчас всё.

Он вытащил кляп из её рта. Она хотела что-то сказать — крикнуть, выплюнуть всё, что накопилось, — но горло пересохло. Язык прилип к нёбу.

— Открой рот, — сказал он. — Выпей воды.

Она попыталась взять бутылку, но руки всё ещё были прикованы. Цепи звякнули.

— Нет-нет, — сказал он. — Я сам. Открой рот.

Она послушно открыла. Потому что хотела пить ужасно. Потому что сил не было спорить. Он положил ей что-то на язык — маленькую таблетку — и дал глоток воды. Она проглотила, даже не поняв, что делает.

Только когда таблетка скользнула в горло, она осознала.

— Что это было? — прошептала она. — Что ты дал мне?

— Ничего вредного, не бойся. Противозачаточные, — сказал он спокойно.

Она замерла.

— Всё хорошо? — спросил он. — Хочешь, я освобожу тебя?

Она кивнула. Не могла говорить.

Он щёлкнул ремнями — сначала на одной руке, потом на другой. Она попыталась снять повязку с глаз, но он перехватил её руку.

— Тшшшш... не спеши. Оставь.

Он натянул на неё простыню, лёг рядом. Голый. Скользкий от масла. Его рука легла на её талию.

— Я хочу... — начала она.

— Тшшшш, — перебил он. — Сегодня без слов. До утра. Спи.

Она хотела сказать, что хочет уйти. Убежать. Что угодно

— только не оставаться здесь, не спать рядом с ним. Но тело было тяжёлым. Глаза закрывались. Она провалилась в сон — глубокий, чёрный, без сновидений.

Она проснулась от холода.

Простыня сползла. Тело было мокрым от пота и масла. Она села резко и сорвала повязку с глаз.

Свет. Утро. Солнце пробивалось сквозь шторы.

Она огляделась. Спальня была огромной — серые стены, дорогая мебель, на полу ковёр с длинным ворсом. Никого.

Его не было.

На вешалке у стены висело её платье. Аккуратно. Оно было чистым. Где-то рядом лежала записка. Она потянулась, взяла её дрожащими пальцами.

«Ли́ка. Ты была прекрасна. Бельё я забрал — хочу оставить себе на память. Если захочешь повторить — ты знаешь, где меня найти. Твой Андрей».

Она сжала записку в кулаке. Слезы подступили к глазам — злые, горькие, унижительные.

Белья не было. Она стояла голая, сжимая в руке записку, и чувствовала, как всё внутри переворачивается.

Она оделась. Не чувствуя тела. Не чувствуя ничего.

Я сотру эту ночь. Сотру. Сотру. Не было.

Но она знала, что это неправда.

Эта ночь останется с ней навсегда.

## Глава 4

Лица сидела на кровати, голая, сжимая в руке записку. Белья не было. Платье висело на вешалке — чистое, выглаженное, как будто ночи не случилось.

Она попыталась собрать мысли.

Я сделала это. Я переспала с ним. Я отомстила той женщине. Была ночь. Был он. Я хотела этого — хотя бы так, как умела хотеть в тот момент.

Но почему-то не стало лучше.

Настя говорила: «Переспи с её мужем — и отпустит». Не отпустило. Стало только тяжелее. Гораздо тяжелее. Чувство грязи липло к коже, въедалось под ногти, оседало в лёгких.

Может, потом отпустит? Может, просто нужно время?

Она встала, шатаясь, и начала искать сумку. Телефон. Где телефон?

Она сделала шаг и вдруг замерла.

Впервые за всю ночь она видела комнату. По-настоящему. При свете утра.

Сердце пропустило удар.

Она медленно обвела взглядом стены. Потолок. Углы.

На потолке — металлические крючки. Несколько штук. К ним свисали цепи, чёрные, толстые, с карабинами на концах.

Она перевела взгляд на изголовье кровати. Массивное, резное. И к нему — мягкие наручники. Чёрные. С бархатной

подкладкой. От них шли ремни к спинке.

Ноги — она посмотрела вниз. У ножек кровати — такие же ремни с карабинами.

Она повернула голову вправо. В углу комнаты стояло кресло. Обычное с виду — кожаное, тёмное. Но на подлокотниках и ножках она увидела те же ремни. И кожаные наручники. И цепь, ведущую к полу.

Её затошнило.

Резко, мгновенно. Она схватилась за горло, чувствуя, как желудок подступает к горлу.

Куда я попала?

В голове пронеслось: Сколько таких девушек было здесь? Сколько их лежало на этой кровати? Сколько смотрело на этот потолок с завязанными глазами?

Её тело покрылось мурашками. Холодный пот выступил на спине.

Она вспомнила его голос. Как он говорил: «Ты моя сегодня». Как он произносил это — уверенно, спокойно, будто говорил уже сто раз. Сотням других.

Её вырвало. Прямо на ковёр у кровати.

Она стояла на четвереньках, дышала тяжело, смотрела на свои руки — они дрожали. На запястьях остались красные следы от ремней. Следы, которые не уйдут ещё несколько дней.

Она поднялась, шатаясь. Не стала оглядываться. Просто нашла сумку у двери, схватила телефон, натянула платье —

даже не глядя, как оно сидит, — и выбежала из комнаты.

В коридоре никого не было. Она добежала до двери, толкнула её, вылетела на улицу.

Солнце. Свежий воздух. Нормальные люди, машины, дети с рюкзаками.

Она остановилась, прижалась спиной к холодной стене здания и задышала. Глубоко. Рвано.

Это был просто секс. Секс. Взрослые люди. Я сама согласилась. Сама.

Но внутри всё кричало: НЕТ. Это было не так. Ты была игрушкой. Ты была одной из многих. И это не закончится просто так.

Она посмотрела на телефон.

30 пропущенных от Насти. 15 смс.

Она нажала на вызов, даже не открывая сообщения.

— Алло? — голос Насти был взволнованным, почти истеричным. — Лика? Ты где? Как ты?

— Нормально, — ответила Лика, стараясь говорить ровно. — Что случилось? Почему столько звонила?

В трубке повисла тишина. Настя тяжело дышала.

— Лика... прости меня. Прости, дуру.

— Что? — Лика нахмурилась. — О чём ты?

— Это не он, — выдохнула Настя. — Оказывается, это не он. Муж той дряни — не Андрей Сергеевич.

Лика замерла. Телефон задрожал в руке.

— Что значит «не он»?

— Я ошиблась. Я дура, Лика. Та женщина — Екатерина — она замужем за водителем. За тем мужчиной, который сидел за рулём. А Андрей Сергеевич — её начальник. Они просто работают вместе. Она показалась мне его женой, потому что они выходили из одной машины, но...

Лика не слышала дальше.

Мир рухнул.

Она не мстила. Она не переспала с мужем той женщины. Она переспала с её начальником. С человеком, который даже не имел отношения к её боли. С чужим мужчиной, который просто согласился на шахматную партию.

И он сделал с ней всё, что захотел.

А она позволила.

Сколько таких девушек было на этой кровати? Сколько из них тоже думали, что контролируют ситуацию?

— У вас что-то было? — испуганно спросила Настя. — Ты переспала с ним?

Лика не ответила. Она просто нажала «отбой» и уронила телефон в сумку.

Слёзы хлынули потоком.

Она не помнила, как села в такси. Не помнила дорогу. Она помнила только цепи на потолке. Наручники на изголовье. Кожаное кресло с ремнями. И его голос, который, как ей теперь казалось, звучал в этой комнате не раз.

Она забежала в квартиру, с ходу скинула платье, влетела в ванную и включила воду на полную мощность.

Горячая. Очень горячая. Почти кипяток.

Она терла себя мочалкой до красноты. До боли. До крови. Смывала его запах, его прикосновения, его сперму, которая, как ей казалось, въелась в кожу.

— Дура! — кричала она сквозь слёзы. — Дура! Идиотка! Какая же ты идиотка!

Она тёрла руки, грудь, бёдра. Тёрла между ног, пока не почувствовала жжение. Она смотрела на свои запястья — следы от ремней. Ещё красные. Ещё свежие. Как клеймо.

Она села на пол душевой кабины, обхватила колени руками и зарыдала.

Она не знала, сколько просидела так. Вода остыла. Тело онемело.

Она вышла, закуталась в халат, легла на кровать и провалялась в тяжёлый, липкий сон.

На губах застыли слова:

— Это был кошмар. Я его больше не увижу. И он меня. На этом всё.

Неделя прошла как в тумане.

Лика ходила на работу, отвечала на звонки, улыбалась коллегам. Она удалила всю переписку с Андреем. Выкинула платье — порвала его ножницами и выбросила в мусоропровод. Она даже сменила номер сим-карты.

Она почти поверила, что всё забыла.

Я взрослая женщина, — говорила она себе. — Такое бывает. Ошибки. Глупости. Я переживу. Я сильная.

Но по ночам она просыпалась с криком. Ей снились ремни. Шарик во рту. Его голос. Цепи на потолке. И лица других девушек — которых она не знала, но которые, как ей казалось, смотрели на неё с этих стен.

Она не рассказывала Насте, что произошло. Когда подруга звонила и спрашивала, Лика отвечала:

— Ничего не было. Я ушла до того, как всё началось. Просто устала и выпила лишнего.

Настя вздыхала с облегчением.

— Слава богу. А то я думала, ты действительно переспала с этим...

— Нет, — перебивала Лика. — Всё нормально. Забудь.

\*\*\*

Она почти забыла.

Почти.

Был обычный вторник. Лика стояла в офисе, в своей зоне открытого пространства, с кружкой в руке. Она только что заварила растворимый кофе — тот самый, дешёвый, с химическим привкусом, который пили все в отделе. В зубах она держала маленький пакетик с шоколадной крошкой, чтобы посыпать сверху.

Она шла к своему столу. Вокруг — привычный гул голосов, стук клавиш, звонки.

И вдруг — тишина. Внутри неё.

Она застыла с расширенными глазами.

По коридору мимо неё проходил он. Андрей. С несколь-

кими мужчинами в дорогих костюмах. Они о чём-то говорили, но Лика не слышала ни слова. Она видела только его.

Он шёл сбоку, но вдруг повернул голову, и его глаза встретились с её.

Изучающе. Тяжело. Так же, как тогда, в клубе.

Она опустила глаза на кружку, чтобы пережить этот момент. Сделала шаг в сторону. Хотела исчезнуть, провалиться сквозь землю, стать невидимой.

Но он остановился. Подошёл к ней. Поднял руку и взял пакетик с шоколадом прямо из её рта.

Она замерла. Не дышала.

Он посмотрел на пакетик, потом на неё.

— Не пей эту гадость, — сказал он спокойно, но так, что мурашки побежали по спине. — Принесу тебе нормальный кофе.

И он пошёл дальше — в кабинет её начальника.

Лика стояла, сжимая кружку так, что побелели костяшки. Сердце колотилось где-то в горле.

Она смотрела ему вслед и вдруг заметила то, чего не видела в клубе — потому что было темно, потому что у неё были завязаны глаза, потому что она смотрела только на доску.

Под левым глазом — тонкий, почти незаметный шрам.

А когда он повернулся, чтобы открыть дверь в кабинет, она увидела, что у него много татуировок. Они выглядывали из-под ворота рубашки, спускались на запястья.

Она не видела их той ночью. В темноте. С завязанными

глазами.

Теперь она видела.

И его взгляд — тяжёлый, цепкий, изучающий — сказал ей всё.

Он не забыл. Он не собирается забывать. И он теперь знает, где она работает.

Лица села на свой стул. Руки дрожали.

Она вспоминала про пакетик, который он забрал. Его не было.

И почему-то ей стало страшно не от того, что он пришёл.

А от того, что внутри неё — где-то глубоко, там, где она прятала правду — шевельнулось что-то.

Она закрыла глаза. И снова увидела потолок с крючками. Цепи. Наручники на изголовье. Кожаное кресло в углу.

## Глава 5

Лика сидела за своим столом, глядя в монитор, но не видя ни одной цифры. Пальцы дрожали. Она сжимала кружку с остывшим кофе, пытаясь унять внутреннюю дрожь.

Он здесь. Он в кабинете начальника. Он знает, где я работаю.

Телефон на столе пиликнул. Она вздрогнула, но это была просто рассылка от коллег.

В этот момент из кабинета начальника вышел секретарь и направился прямо к ней.

— Лика Александровна, вас просят зайти в кабинет. Михаил Петрович сказал, нужен ваш взгляд по одному вопросу. На интерактивной доске.

Она замерла.

— Сейчас?

— Да, прямо сейчас.

Она встала. Ноги стали ватными. Каждый шаг давался с трудом, словно она шла по жидкому песку. Сердце колотилось где-то в горле.

Она вошла в кабинет.

За длинным столом сидели: её начальник Михаил Петрович, двое мужчин в дорогих костюмах, которых она раньше не видела, и — он.

Андрей.

Он сидел напротив входа и смотрел на неё. Тяжёлый, цепкий взгляд, который она уже успела запомнить до дрожи. Он не улыбнулся. Не кивнул. Просто наблюдал, как она входит, как садится за стол, как дрожащими пальцами берёт маркер для доски.

— Ли́ка, — начал Михаил Петрович, — у нас тут спор по поводу поставщиков арматуры. Ты же в прошлом месяце занималась этим тендером. Покажи на доске, какие у нас были предложения и почему мы выбрали тех, кого выбрали.

Она кивнула, встала и подошла к интерактивной доске. Рука чуть дрожала, когда она выводила цифры и названия компаний.

— И́так, мы рассматривали трёх поставщиков, — начала она, стараясь говорить ровно. — Первый — "МеталлИнвест" предлагал цену на 12% ниже среднерыночной, но у них были проблемы с логистикой: сроки доставки...

Она не успела договорить.

Андрей встал, подошёл к доске и встал рядом с ней. Так близко, что она чувствовала его запах. Тот самый. Смесь дорогого одеколона, табака и чего-то ещё, что заставляло её внутренности сжиматься.

— Простите, что перебиваю, — сказал он. Его голос звучал спокойно, почти дружелюбно. — Но я не согласен с этим выбором. "МеталлИнвест" действительно даёт низкую цену, но их качество хромает. Я видел образцы — там отклонение по сечению на 15%. Это брак.

Она повернулась к нему. Прямо в лицо. Запах ударил в голову, и на секунду она забыла, что хотела сказать. Он нависал над ней, его плечи перекрывали свет. Давил. Сжимал горло невидимой рукой.

Но что-то внутри щёлкнуло.

Я не позволю. Не здесь. Не на моей территории.

Она выпрямилась, подняла глаза и встретила его взгляд.

— Андрей Сергеевич, — сказала она твёрдо. — С уважением, но вы ошибаетесь.

Он чуть приподнял бровь.

— Образцы, которые вы видели, — это пробная партия от "МеталлИнвеста" годичной давности. Они сменили технологию в прошлом квартале. Мы запросили новые образцы и провели независимую экспертизу. Отклонение — 2,8%, что в пределах нормы. Логистика — да, проблема. Но мы заключили договор с транспортной компанией, которая взяла на себя все риски. Итоговая стоимость с учётом доставки всё равно остаётся на 7% ниже, чем у конкурентов.

Она говорила чётко, быстро, уверенно. Её голос не дрожал. Она даже сама удивилась своей смелости.

Андрей слушал. Его глаза сузились. Но он не перебивал.

— Кроме того, — продолжила она, — второй поставщик, "СтальРесурс", предлагал отсрочку платежа на 60 дней. Но у них были штрафные санкции за просрочку, которые сводили на нет всю выгоду. Третий — "ПромАрматура" — давал хорошее качество, но цена была завышена на 18%. Наш выбор

был экономически обоснован.

Она замолчала и посмотрела на начальника.

— Это всё, Михаил Петрович.

Начальник удовлетворённо кивнул.

— Отлично. Благодарю, Лика.

Она хотела уйти. Прямо сейчас. Быстро. Пока она не рухнула на пол.

— Спасибо, — сказала она и посмотрела на Андрея. — Надеюсь, я ответила на все ваши вопросы.

Он молчал. Только смотрел на неё. И в его взгляде появилось что-то новое. Не просто интерес. Уважение? Жадность? Она не могла разобрать.

— Да, — сказал он наконец. — Вы ответили. Превосходно.

Она кивнула и вышла из кабинета, стараясь идти ровно.

Но как только дверь закрылась, она прислонилась к стене, прикрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Я выдержала. Я справилась. Он не сломал меня.

Она села за свой стол и машинально взяла телефон, чтобы посмотреть время.

На экране горело уведомление.

Она не поняла, как открыла его. Пальцы сами нажали на письмо.

«Лика. Я тут вспомнил, что так и не попробовал вкус вина из вашего рта. И вкус ваших пальцев. Предлагаю партию-реванш. На тех же условиях. Жду ответа. Андрей»

Она подняла взгляд на дверь кабинета начальника.

Андрей стоял там. Смотрел прямо на неё сквозь стекло. И в его глазах не было вопроса. Только уверенность, что она согласится.

Она опустила телефон.

Она вышла из кабинета быстрыми шагами. Мимо Андрея. Не глядя на него. Не останавливаясь.

Она почти бежала в туалет.

Забежав в кабинку, она закрыла дверь, села на унитаз и прижала руки к лицу.

Сердце колотилось бешено. Пульс отдавался где-то внизу живота — странно, горячо, предательски. Дыхание сбилось. Она не понимала, что с ней происходит. Страх? Возбуждение? Ужас? Желание?

Всё смешалось в один тягучий комок.

Она сидела в кабинке долго. Слишком долго. Ждала, что он уйдёт. Что её отпустит. Что эти слова — «вкус ваших пальцев» — перестанут жечь изнутри.

Наконец она вышла. Умылась холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало — красные щёки, расширенные зрачки.

Она вышла из туалета и направилась к своему столу.

Коллега по пути окликнула её:

— Лика, тебя искали.

— Кто?

— Не знаю. Мужчина со шрамом на лице. Ждал у твоего столика. Потом ушёл.

Лица сглотнула. Горло пересохло.

— Спасибо, — выдавила она.

Она села за стол. Телефон лежал экраном вниз. Она не хотела его трогать.

Если я не ответила — он мог бы понять, что я отказываюсь. Даже говорить об этом не хочу.

Она положила руки на стол и вдруг заметила маленький листок. Сложенный вчетверо. Его не было до того, как она ушла в туалет.

Она развернула его дрожащими пальцами.

Внутри — его почерк. Размашистый, уверенный.

«Лица. Ты великолепно держалась. Это заводит. Ты уже думаешь о том, чтобы согласиться — я вижу это в твоих глазах. Не бойся признаться себе. Я не кусаюсь... если ты этого не попросишь. Жду тебя сегодня. В 21:00. «Гамбит». Если не придёшь — я приду за тобой сам. У тебя есть шесть часов. Андрей»

Она смотрела то на экран, то на лист. Слезы текли по щекам.

Она не знала, что делать.

Но она знала, что уже приняла решение.

Она сжала листок в кулаке.

## Глава 6

Вечер. Тот самый, когда пришло её письмо.

Он сидел в своём кабинете, потягивая виски, когда на экране ноутбука высветилось уведомление о новом письме. Не с рабочей почты — на личный ящик, который знали только избранные.

«Здравствуйте. Меня зовут Лика...»

Андрей усмехнулся, открывая письмо. Очередная. Такие приходят раз в месяц. Молодые, красивые, наслышанные о его деньгах и положении. Они всегда думают, что умнее других. Что смогут его заинтересовать.

Он пролистал глазами текст. Шахматы? На желание?

Интересно. Хотя бы не банально.

Он уже хотел удалить письмо и забыть, но что-то заставило его перечитать. Стилъ. Без лишней лести. Без смайликов. Без попытки казаться умнее, чем она есть.

«Я играю достойно», — написала она. Не «хорошо», не «превосходно». Достойно. Скромно. Честно.

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел в потолок.

Ладно. Развлечёмся.

Вечер в клубе. За час до её прихода.

Он сидел в своём кабинете в «Гамбите», просматривая записи с камер. Она приехала на такси. Вышла, поправила платье — чёрное, длинное, закрытое спереди, открытое сзади.

Смотрела на вход, делала глубокий вдох. Руки дрожали.

Он приблизил картинку. Её лицо. Испуганное, решительное, красивое. Без косметики — почти. Только губы чуть подкрашены. Глаза большие, серые, с расширенными зрачками.

Она боится. Но она здесь. Интересно.

Он развернул кресло к шахматному столу и начал расставлять фигуры. Чёрные — себе. Белые — ей.

Посмотрим, как ты будешь играть.

Партия.

Он смотрел, как она делает первый ход. Пешка. Классика. Он ответил симметрично.

Они играли молча. Он чувствовал её напряжение, её страх, её решимость. Она играла агрессивно — не как новичок. Как человек, которого учили с детства. Ходы просчитывала на три шага вперёд. Закрывалась. Атаковала. Не сдавалась.

Она была сильной. Он поймал себя на том, что перестал думать о её теле. Он думал о её ходе.

Она не просто красивая. Она умная. Такие встречаются редко.

Он поднял на неё глаза. Она смотрела на доску. Скулы, губы, линия челюсти. Красива. Он говорил это многим женщинам, красивым. Слова ничего не значили.

Но она не сломлена. Она держится. Интересно, что будет дальше.

Он сделал ход, который закрывал ей выход. Она посмотрела на доску. В её глазах промелькнула тревога. Потом — принятие.

Он предложил закончить партию ничьей. Она отказалась. — Я дала слово, — сказала она. — Я не отступлю.

Он смотрел на неё и чувствовал холодное любопытство. Не страсть. Не влечение. Просто интерес — как долго она продержится.

Комната. После того как он завязал ей глаза.

Он стоял и смотрел на неё. Она стояла с завязанными глазами, сбитым дыханием, дрожащими руками. Она не знала, где находится. Она не знала, что будет дальше.

Он сделал глоток вина, прильнул к её губам и перелил вино ей в рот.

Она сглотнула. Он повторил. И снова. Вкус. Мягкость. Она не отстранилась.

Губы — красивые. Но это ничего не значит. Они все красивые, пока не начнут говорить.

Он нарушил правило. Он не целовал их. Никогда. Но здесь — просто хотел попробовать. И забыть.

Ночь. После того как он дал ей противозачаточное со снотворным.

Она проглотила таблетку. Её глаза слипались. Она провалилась в сон почти мгновенно. Дыхание стало ровным, глубоким. Тело расслабилось.

Он сидел на краю кровати и смотрел на неё. Холодно. Без

эмоций.

Она брыкалась. Сопротивлялась. Плакала.

Он не любил это. Он получал удовольствие, когда женщины были под ним послушными. Покорными. Тихими. Когда они принимали его без вопросов.

А эта — брыкалась. Мычала через кляп. Дёргалась, когда он входил в неё.

Это наказание. Ты хотела играть со мной? Ты получила игру. На моих условиях.

Он смотрел на её спящее лицо. Она не проснётся. Шесть часов глубокого сна.

Он медленно провёл пальцами по её губам. Мягкие. Тёплые. Он засунул палец в её рот — она не сопротивлялась, не закрылась. Её язык был безвольным, влажным.

Он представил, как она выплёвывает его палец, как кусает его, как кричит. Но сейчас — она просто лежала. Послушная. Наконец-то послушная.

Он снова прошёлся по её телу. Взглядом. Руками. Медленно, изучающе. Он касался её плеч, груди, живота, бёдер. Она лежала неподвижно — его послушная кукла.

Он раздвинул её ноги. Вошёл в неё. Медленно. Она не проснулась. Только дыхание чуть участилось.

Вот так. Молча. Без слёз. Без криков. Просто принимай.

Он двигался в ней. Холодно. Механически. Она была тёплой, влажной, податливой. Он кончил в неё, выдохнул, отстранился.

Потом лёг рядом. Взял телефон, нажал на запись — красная точка загорелась на экране. Поставил на тумбочку, чтобы камера снимала кровать.

Он снова вошёл в неё. Снова. И снова. Камера фиксировала каждое движение — его руки на её теле, её спокойное лицо, его пальцы, сжимающие её грудь. Он разворачивал её, брал сзади. Она не просыпалась.

Он брал её. Неспешно. Вкушая каждую секунду. Её спокойное лицо с закрытыми глазами. Её грудь, которая колыхалась в такт его движениям. Её руки, которые безвольно лежали вдоль тела.

Он хотел, чтобы она запомнила это. Но она не запомнит. И в этом была особая сладость.

Он кончил в неё, глядя на телефон. Её тело дрогнуло — рефлекторно, без сознания. Он выдохнул, отстранился. Вытер салфетками. Поправил простыню.

Видео он не пересматривал. Просто снял и забыл. Как и все остальные.

Ещё одна. Завтра я не вспомню её лица.

Он не спал до утра. Сидел в кресле у окна, пил виски, смотрел на ночной город. Она была просто эпизодом. Ещё одним. Не первым и не последним.

Утро. Он входит в кабинет начальника Лики.

Он почти забыл её. Почти. Неделя прошла. Он не думал о ней. Не вспоминал. Видео лежало в папке с другими — он не открывал его.

Он пришёл на встречу. Просто деловая встреча. Поставщики. Документы. Рутинка.

И вдруг — она.

Он шёл по коридору с коллегами, и краем глаза заметил фигуру у кофейного автомата. Она стояла с кружкой в руке. В зубах — пакетик с шоколадной крошкой.

Она подняла глаза.

И посмотрела на него. Прямо. В глаза. Не опустила взгляд. Не спряталась. Не отвернулась.

Она была бледной. Её руки дрожали. Но она смотрела на него. Смотрела так, как будто говорила: «Я здесь. Я не сломалась».

Внутри него что-то щёлкнуло.

Она не сломлена. Она стоит. Она смотрит на меня.

Он подошёл. Вытащил пакетик у неё изо рта.

— Не пей эту гадость, — сказал он спокойно. — Принесу тебе нормальный кофе.

И пошёл дальше.

Но внутри — внутри всё кипело. Её взгляд. Её глаза. Она не опустила их. Она не сдалась.

Красивая. Да. Красивая. Я говорю это всем. Но она... она не просто красивая.

Он сел в кабинете. Ждал её. Она вошла. Говорила чётко. Умно. Профессионально. Спорила с ним. Не сдавалась.

Он смотрел на неё и чувствовал, как внутри просыпается что-то забытое. Что-то, что он не позволял себе чувствовать.

Ты не сломалась. Ты держишься. Ты смотришь на меня.  
Почему ты смотришь на меня?

Он написал ей письмо. Он оставил записку.

И ушёл.

Он не хотел, чтобы она поднимала на него глаза. Ему было спокойнее, когда женщины боялись. Опускали взгляд. Молчали.

А она смотрела.

И это разжигало его.

Я хочу снова увидеть, как она ломается. Как плачет. Как умоляет. Но я хочу, чтобы она смотрела на меня. Смотрела и боялась. И хотела.

Он шёл по коридору и знал — это не конец.

Это только начало.

## Глава 7

Она сидела на кухне, сжимая в руках остывшую кружку с чаем, который так и не выпила. Смотрела в стену. Внутри — пустота и страх, которые сплелись в тугой узел под рёбрами.

Я переспала с ним. Если это вообще можно назвать переспала. Он взял меня. Использовал. И теперь хочет ещё.

Она закрыла глаза, и перед ними снова всплыли цепи на потолке, наручники на изголовье, кожаное кресло с ремнями в углу.

Он спятил. Мне это не интересно. Я не хочу. Не пойду.

Она посмотрела на часы на стене. Стрелки ползли медленно, издевательски. 20:47. Тринадцать минут до дедлайна, который он дал ей в записке.

Она смотрела, как секундная стрелка делает круг. 20:48. 20:49.

Она встала. Прошлась по комнате. Села снова.

Не пойду. Ни за что. Пусть что хочет делает — я не пойду. 21:00.

Стрелки перешагнули черту. Она выдохнула. Словно гора свалилась с плеч. Время вышло. Она не пошла. Значит, всё.

Но внутри — внутри сидел холодный червяк сомнения. Он не из тех, кто просто так отступает.

Она встала, подошла к двери. Проверила замки. Верхний, нижний, цепочка. Всё на месте. Закрыто. Потом подошла к

окну — не закрыла. 16-й этаж. Через окно не войти.

Телефон положила рядом с подушкой. Заряжен. На экране — экстренный вызов полиции, чтобы нажать одной кнопкой.

Если что — я позвоню. Я защищена.

Она легла на кровать, укрылась одеялом и начала слушать. Тишина.

Только стук собственного сердца. Только дыхание. Только шум ветра за окном.

Каждый шорох заставлял её вздрагивать. Скрип половицы в соседней квартире — она сжимала одеяло. Гул лифта — она задерживала дыхание. Шаги на лестничной клетке — она тянулась к телефону.

Но ничего не происходило.

Тишина. Пустота. Спокойствие.

Она не заметила, как провалилась в сон.

Она проснулась резко.

Рывком, будто падала во сне. Сердце колотилось, дыхание сбито. Она провела рукой по лицу — мокрое, потное. За окном ещё ночь, только ночник мягко освещает комнату.

Который час? Где телефон?

Она потянулась к тому месту, где оставила телефон. Рука нашарила подушку, простыню, край кровати. Телефон затерялся где-то под подушкой.

Она приподнялась, чтобы поискать его, и вдруг — замерла.

Взгляд упал на тумбочку рядом с кроватью.

Сердце пропустило удар.

Она сглотнула. Комок в горле не давал дышать.

На тумбочке лежало что-то. Что-то очень знакомое. Чёрное, кружевное. Маленькое.

Она протянула дрожащую руку и взяла это. Не веря своим глазам.

Трусики. Её трусики. Те самые, которые он забрал в ту ночь. Она помнила их — кружево, тонкие бретельки, маленькая застёжка сбоку. Она покупала их в прошлом году, носила всего пару раз. И он забрал их. Забрал. Они были у него.

Она уверена — это они.

Но как?

Она вскочила с кровати. Руки тряслись. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах. Всё тело покрылось холодным потом.

— Кто здесь? — прошептала она. Голос сорвался. — Кто здесь?!

Тишина.

Она повернулась к двери, подбежала, дёрнула ручку. Закрыто. Верхний замок, нижний, цепочка — всё на месте. Всё заперто.

— Нет... нет... это бред...

Она обошла все комнаты. Ванная — пусто. Кухня — пусто. Гостиная — пусто. Шкафы открыты, под кроватью пу-

сто, за шторой никого.

Она вернулась в спальню. Села на край кровати. Уставилась в одну точку.

Потом снова посмотрела на трусики. Сжала их в кулаке. Как? Когда? Он был здесь. Он был в моей квартире. Пока я спала. Он вошёл. Он прошёл мимо меня. И положил это.

Холодный пот выступил на спине. Она чувствовала себя так, будто на неё смотрят. Прямо сейчас. Из стен. Из темноты за окном.

Может, это было днём? Может, кто-то был здесь, пока меня не было? А я не заметила? Но как он смог войти? Замки закрыты...

Она упала на спину, схватилась за голову руками, вцепилась в волосы, дёргая их.

— Да чтоб тебя, Настя! Во что ты меня впутала?! Зачем я тебя послушала?! Зачем?!

Она лежала так несколько минут, тяжело дыша, пытаясь унять дрожь.

И в этот момент телефон, затерявшийся где-то в кровати, коротко и резко завибрировал.

Она замерла.

Медленно, очень медленно, она нащупала его под подушкой, поднесла к глазам.

На экране — уведомление.

От него.

Она замерла, глядя на клавишу «Открыть». Палец дрожал

над экраном.

Не открывай. Не смотри. Удали. Сотри. Не дай ему войти в твою голову.

Но палец сам, предательски, нажал на экран.

Экран вспыхнул. Фото.

Она выронила телефон. Он упал на ковёр с глухим стуком.

Она схватилась за лицо руками, зажмурилась, задышала тяжело, рвано.

— Нет... нет... нет...

Но она знала, что видела. Её. Спящую. На этой кровати. Несколько минут назад — до того, как она проснулась. Та же поза, тот же ночник, та же рука, безвольно лежащая на подушке.

Он был здесь. Пока я спала. Он сделал это фото. И ушёл. Я ничего не слышала. Ничего.

Она медленно, дрожащими руками, подняла телефон с пола. Посмотрела на экран.

Под фото — надпись:

«Не стал тебя будить. Ты так сладко спала. Больше не смей не слушаться меня. Завтра. В то же время. В том же месте. На тех же условиях. Андрей»

Она сидела, глядя на экран. Слезы текли по щекам, но она не чувствовала их. Только страх. Липкий, холодный, заполняющий всё изнутри.

Она открыла номер полиции. Пальцы уже касались кнопок.

ки вызова.

И в тот же миг пришло новое уведомление.

Она открыла его.

«Не смей звонить в полицию. Они всё равно не помогут. Лучше подчинись. Я всегда буду на шаг впереди. Ты моя, Лика. Ты уже поняла это. Просто прими»

Она уронила телефон на кровать.

Смотрела в потолок. Дышала. Пыталась не сойти с ума.

Он был в её квартире. Пока она спала. Он сфотографировал её. Он знает, где она живёт. Он может войти в любой момент.

И полиция не поможет. Потому что он всегда будет на шаг впереди.

Она закрыла глаза.

Его голос в голове: «Ты моя, Лика».

Она знала, что не уснёт до утра.

И она знала, что завтра — она пойдёт.

Потому что у неё не было выбора.

## Глава 8

Под утро Лика наконец решилась.

Она сидела на кухне, сжимая телефон в дрожащих руках, перечитывая его сообщения снова и снова. Фото. Угрозы. Его присутствие в её квартире, пока она спала.

Я не могу так жить. Я должна прекратить это. Сейчас.

Она начала печатать. Стирала. Печатала снова. Пальцы дрожали.

«Андрей Сергеевич. Я хочу признаться вам. Я спутала вас с другим человеком. На вашем месте должен был быть другой мужчина. Всё это было ошибкой. Мне не интересно продолжать. Я пытаюсь забыть вас и тот вечер. Прошу не писать мне больше. Надеюсь, мы поняли друг друга. Лика»

Отправила.

И замерла, глядя в экран.

Всё утро она ждала ответа. Проверяла телефон каждые пять минут.

Весь день она провела в напряжении. Выходной был испорчен. Она убралась в квартире, перемыла всю посуду, перестирала бельё. Просто чтобы занять руки. Просто чтобы не смотреть в телефон.

И наконец, вечером, она взяла себя в руки и написала снова.

«Хорошо. Сыграем. Но только у меня. В моей квартире.

Не в клубе. И мы обсудим желание победителя заранее. Это моё условие»

Сообщение ушло. Прочитано. Двадцать минут — без ответа.

Она смотрела в экран, затаив дыхание.

И наконец — ответ.

«Хорошо. Поднимусь через 10 минут»

Она оцепенела.

Через десять минут?!

Она вскочила, заметалась по квартире. Везде чисто — она убиралась весь день. Но она сама... она была в домашнем, майка и шорты. Она подбежала к шкафу нашла широкий серый свитер с капюшоном, свободные чёрные брюки. Волосы собраны в небрежный пучок на затылке. Ни грамма косметики. Ничего.

Она посмотрела на себя в зеркало и усмехнулась.

Пусть видит меня такой. Настоящей. Не нарядной. Не готовой к игре.

Но внутри всё дрожало.

Дверной звонок прозвенел ровно через десять минут.

Она открыла дверь.

Он стоял на пороге. Высокий. Широкий. Без каблуков она должна была смотреть на него снизу вверх. В тёмной рубашке, расстёгнутой на верхнюю пуговицу. Пиджак перекинут через плечо. Тот самый запах — она почувствовала его сразу. Сердце пропустило удар.

— Можно войти? — спросил он, поднимая бровь.

Она отошла в сторону.

— Проходите.

Он вошёл. И она почувствовала, как он заполняет собой пространство. Её маленькая квартира стала ещё меньше. Он огляделся — спокойно, изучающе, словно уже был здесь раньше.

Возможно, так и есть. Он уже был здесь. Пока я спала.

Он прошёл в гостиную, бросил пиджак на кресло и сел на диван. Широко. Расслабленно. Как хозяин положения.

Она села на пол у журнального столика. Напротив него. Капюшон натянула на голову, спрятав лицо в тени.

Он усмехнулся.

— Это у тебя экипировка?

— Это удобная домашняя одежда, — ответила она холодно.

— Да, в плюс двадцать, — усмехнулся он.

Она промолчала. Достала шахматы. Старая деревянная доска — дедушкина. Расставила фигуры.

— Желание, — сказала она, не поднимая глаз. — Какое ваше?

— Уступаю даме, — сказал он мягко. — Говорите вы.

Она подняла глаза. Только сейчас она позволила себе посмотреть на него. Взгляд был тяжёлым, цепким. Она выдержала.

— Моё очевидно. Вы оставляете меня в покое. Больше

никогда не появляется в моей жизни. Вы — ошибка, которую я совершила. И я хочу забыть вас, как страшный сон.

Он молчал несколько секунд. Смотрел на неё — с неприкрытым интересом. Не злостью. Удивлением. Как будто она сказала что-то неожиданное. Что-то, что он не предвидел.

Она не понимала, чему он удивлён. Ей было плевать. Она еле держалась, чтобы не разрыдаться от ужаса.

Эта партия — единственная надежда избавиться от него. Без полиции. Без скандала. Просто игра.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Моё желание... Вы поможете мне когда понадобится помощь.

Она насторожилась.

— Без интима, — быстро сказала она.

— Без интима, — кивнул он.

Он протянул руку. Она вложила свою. Пожатие — сухое, сильное, деловое.

— Играем, — сказал он.

Партия началась.

Она играла сосредоточенно. Агрессивно. Ей нужно было выиграть. Она видела его ходы, просчитывала варианты. Но он был сильнее. Гораздо сильнее.

Между ходами он неожиданно спросил:

— Ты не хочешь узнать, как я положил твои трусики?

Она подняла на него глаза. Большие. Испуганные. Сердце заколотилось.

Но она взяла себя в руки.

— Нет, — сказала она холодно. — Мне это уже не интересно. Не отвлекайте меня. Играйте.

Он усмехнулся, но промолчал.

Она проиграла.

Мат. Чистый. Беспощадный.

Она смотрела на доску несколько секунд. Потом резко вскочила, смахнула фигуры — шахматная доска полетела на пол, и из неё вырвалось:

— ФАК!

Она стояла, тяжело дыша. Руки дрожали. Внутри — пустота и ярость. Она проиграла. Единственный шанс избавиться от него — и она проиграла.

Он откинулся на спинку дивана. Довольный. Спокойный.

— Хочешь ещё? — спросил он. — Сыграем ещё одну партию. На второе желание.

Она смотрела на него. На шахматы на полу. Потом снова на него.

— Какое будет ваше желание на этот раз? — спросила она хрипло.

Он медленно, не торопясь, наклонился вперёд. Его глаза не отпускали её.

— Быть послушной.

Она замерла. Её сердце колотилось где-то в горле.

Она перевела взгляд на шахматы. Потом на него. Потом снова на шахматы.

— Я... — начала она и запнулась.

— Решай, — сказал он тихо. — Ещё одна партия. Одно желание. Если выиграешь — я уйду навсегда. Если проиграешь — ты будешь делать всё, что я скажу. Всё. Один вечер, одна ночь.

Она смотрела на него. На его холодные глаза. На шрам под левым глазом. На татуировки, выглядывающие из-под ворота рубашки.

Она знала, что проиграет. Она знала, что он сильнее. Она знала, что это ловушка.

Но у неё не было выбора.

Она опустилась на пол. Подняла доску. Поставила фигуры.

— Играем, — сказала она.

И сделала первый ход.

Её последняя партия.

## Глава 9

Они играли.

Доска стояла между ними. Старая, дедушкина, с потёртыми фигурами. Лика смотрела на неё так, будто от этого зависела её жизнь. И это было правдой.

Она видела его ходы. Она просчитывала на три шага вперёд. Он был силен — чёрт возьми, он был гениален. Но она не сдавалась. Она атаковала, жертвовала, открывала линии.

Он делал ход за ходом, спокойно, методично, и она видела, как он приближается к мату.

Ещё один ход. Ещё один.

Мат.

Она проиграла.

Она откинулась назад, глядя на доску. Внутри — пустота. Она проиграла. Второй раз. И теперь у неё два желания, которые он может использовать против неё.

Он откинулся на спинку дивана и тихо засмеялся. Не громко. Почти беззвучно. Как хищник, который наслаждается своей добычей.

— Что, — сказал он, — давай ещё? Третий раз. Всё решится сегодня.

Она подняла на него глаза.

— Нет.

Он приподнял бровь.

— Нет?

— Нет, — повторила она твёрже. — Я больше не буду играть.

Он усмехнулся.

— Боишься проиграть?

— Я уже проиграла дважды. Мне нечего терять.

— Но ты хочешь выиграть, — сказал он тихо. — Я вижу это. Ты хочешь доказать себе, что можешь. Что ты сильнее. Что ты не просто пешка.

Она молчала. Смотрела на него.

— Одна партия, — сказал он. — Последняя. Если выиграешь — я уйду из твоей жизни навсегда. Если проиграешь — ты выполняешь все три. Без вопросов. Без споров.

Она замерла. Сердце колотилось.

— Почему ты хочешь играть? — спросила она. — Ты уже выиграл. Зачем тебе это?

Он усмехнулся.

— Потому что я хочу видеть твой огонь, Ли́ка. Ты интересна мне, когда злишься. Когда сражаешься. Когда отказываешься сдаваться.

Она смотрела на него долго. Очень долго. Потом перевела взгляд на доску.

— Играем, — сказала она.

И начала расставлять фигуры заново.

Партия началась.

Она играла иначе. Не агрессивно. Не импульсивно. Она

думала. Каждый ход — медленно, внимательно, просчитывая не только её ходы, но и его. Она видела его стратегию. Она знала, что он любит заманивать в ловушки. Она видела их заранее.

Он хмурился. Его пальцы замирали над фигурами. Он привык, что соперники сдаются. А она — нет.

Она жертвовала ладью. Он взял.

Она жертвовала коня. Он взял.

Она открыла линию для ферзя. Он не заметил.

— Шах, — сказала она.

Он поднял глаза. Посмотрел на доску. Его лицо стало серьёзным. Он защитился.

— Шах, — повторила она через два хода.

Он защитился снова.

Но она видела. Она видела, как он начинает ошибаться. Как его ходы становятся менее точными. Как он смотрит не на доску, а на неё.

Она сделала ход. Тихий. Неожиданный.

— Мат, — сказала она.

Тишина.

Он смотрел на доску. Долго. Очень долго. Его лицо было непроницаемым.

Она не верила. Она смотрела на доску, проверяла ходы, перепроверяла. Король заблокирован. Защиты нет.

— Я выиграла? — прошептала она.

Он молчал. Смотрел на доску. Потом медленно поднял

глаза.

— Выиграла, — сказал он.

Лица вскочила на ноги. Она не могла поверить. Она выиграла! Она сделала это!

— Я выиграла! — закричала она. — Я выиграла!

Она начала пританцовывать, хлопать в ладоши, смеяться. Она забыла всё — кто он, что он с ней сделал, что она должна ему два желания. Она просто радовалась. Как ребёнок.

— Я выиграла! Ты видел?! Я сделала это!

Она прыгала, её капюшон слетел с головы, волосы рассыпались по плечам. Она выглядела счастливой. Живой. Настоящей.

Он смотрел на неё. И в его глазах было что-то странное. Он не злился. Не расстраивался. Он наклонил голову набок и смотрел на неё так, как будто он был не здесь. Где-то далеко. Как будто он видел что-то, чего не видел раньше.

Она остановилась. Запыхалась. Улыбка медленно сползла с её лица.

Он смотрел на неё. И в его взгляде не было холода. Только странное, тихое восхищение.

— Молодец, — сказал он наконец. — Я горжусь тобой.

Она замерла. Эти слова... они были не такими, как она ожидала. Не насмешливыми. Не холодными. Они были... тёплыми.

— Никому ещё не удавалось обыграть меня, — добавил он. — Ты первая.

Он медленно поднялся с дивана. Поправил рубашку.

— Встретимся завтра, — сказал он и направился к двери.

Она моргнула.

— Стойте! — крикнула она.

Он остановился. Обернулся.

— Что?

— Почему так скоро? — спросила она. — То есть... чем мне надо помочь? Какое ваше желание?

Он смотрел на неё несколько секунд. Потом усмехнулся — уголком губ.

— Завтра, — сказал он. — Всё завтра.

И вышел за дверь.

Она стояла посреди комнаты, глядя на закрытую дверь.

Сердце колотилось. Она выиграла. Она обыграла его. Но внутри не было спокойствия.

Он ушёл. Но он вернётся. Что он хочет? Что он сделает завтра?

Она опустилась на пол, подобрала разбросанные шахматные фигуры, сжала в руке одну из них.

И поняла, что даже победа не даёт ей покоя.

Потому что он смотрел на неё так, как будто она стала для него чем-то большим, чем просто игра.

## Глава 10

Он вышел от неё.

Спускался по лестнице, слышал, как за его спиной захлопнулась дверь. Она выиграла. В третий раз. Она посмела сказать, что он — ошибка в её жизни. Что он — страшный сон, который она хочет забыть.

Ошибка.

Слово застряло в голове. Оно жгло. Никто никогда не называл его ошибкой. Ни одна женщина не смотрела на него так, как она. С вызовом. Со страхом. С ненавистью.

Даже если так. Даже если она перепутала дверь. Даже если это была случайность. Она посмела сказать мне, что я ошибка. Она должна быть наказана за это.

Он должен сломать её. Он мог сегодня. Он хотел сегодня. Но у него были дела.

Он сел в машину, завёл двигатель и поехал. В голове — она. Её глаза. Её голос, когда она кричала «ФАК!». Её счастливое лицо, когда она выиграла.

Какая же ты... живая. Таких не бывает. Таких не должно быть.

Он ехал за город. Дом стоял на окраине, среди леса. Он редко туда приезжал — слишком далеко, слишком тихо. Он жил в центре, в пентхаусе, или в клубе «Гамбит», который держал для себя и избранных.

Но сегодня ему нужно было одиночество.

Он переоделся, вышел в полночь, сел за руль и поехал. Дорога заняла почти шесть часов. Он просто ехал, не думая. Или думая о ней.

Он вернулся в город в 6:40 утра, принял душ, надел костюм и поехал на работу. Злой. Недовольный. Раздражённый.

Она застряла в голове. Она мешает работать. Она мешает думать. Её там быть не должно.

Весь день он срывался на подчинённых. Повысил голос на начальника отдела, заставил переделывать отчёт дважды. Под раздачу попала и его помощница — Елена.

Она работала хорошо. Профессионально. Безупречно. Но сегодня она раздражала его больше всех.

Она всегда явно предлагала себя. Даже когда он взял её мужа на работу. Не скрывая. Не стесняясь. Смотрела на него влажными глазами, поправляла юбку, задерживалась в кабинете после совещаний.

Сука. По началу это заводило. А теперь просто приелось.

Он вспомнил, как всё началось. Её никогда не приходилось завязывать. С первой минуты она была покорной. Мягкой. Послушной.

Он имел её прямо за стеной от её мужа. Горячо. Возбуждающе. Она стояла перед ним на коленях, идеальный макияж, идеальная причёска, идеальные губы — и глотала то, что он ей давал. Без вопросов. Без сопротивления.

Он чувствовал власть над всей женской породой. И одновременно — отвращение.

Все они одинаковы. За спиной делают что хотят. Просто некоторые притворяются лучше. Как она.

Он думал о Лике. О том, как она брыкалась. Как сопротивлялась. Как смотрела на него с ненавистью.

Через пару раз они становятся такими же послушными, что тошно от них. Но она... она другая. Она не сдаётся.

Он зашёл в свой кабинет, закрыл дверь, сел в кресло. Открыл ноутбук, нашёл видео, снятое в ту ночь. Включил.

Она спала. Голая. Беззащитная. Его руки делали с ней всё, что хотели. Она не просыпалась. Он брал её снова и снова.

Он смотрел на это холодными глазами. Без эмоций. Без возбуждения. Просто наблюдал.

Я могу сделать с тобой всё. Но ты посмела назвать меня ошибкой.

Он выключил видео. Сделал несколько звонков. Всё по делу — поставщики, отчёты, встречи. Но мысли были не о работе.

Он позвонил ей.

Набрал номер, который давно выучил наизусть. Она ответила не сразу. Не зная, кто звонит.

— Алло?

— Это я. Здравствуй, Лика.

Тишина на том конце. Дыхание. Потом — холодный голос:

— Здравствуйте.

Он улыбнулся. Её голос — колющий, настороженный. Он чувствовал, как она сжимает телефон, как её сердце бьётся быстрее.

— К тебе сейчас придут с доставкой. Я хочу, чтобы ты сегодня выглядела сногшибательно.

Тишина. Потом — её голос, сдавленный:

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем вам это?

— Моё желание, Лика. Ты поможешь мне в одном деле. Я приеду в семь, по дороге объясню, что делать.

Она хотела что-то сказать, но в этот момент в дверь позвонили.

— Откройте и заберите, — сказал он.

— Что там? — спросила она.

— Увидите. Я надеюсь, угадал с цветом.

Она открыла дверь. Коробка от дорогого бутика. Внутри — белое платье на тонких ляпочках, босоножки и клатч. Она замерла. Размер — идеально.

— Как? — спросила она, и в голосе был шок. — Как вы угадали с размерами?

Он усмехнулся. Наклонился к телефону, понизил голос до томного шёпота:

— Это не такая уж нерешаемая задача. Мои руки трогали вас от и до. И они знают каждую родинку на вашем теле.

Она задышала тяжело. Он слышал это. Он знал, что делает — говорил томно, специально, как любят женщины. Дёргал за невидимые нити, которые она не хотела признавать.

— Что, — сказал он тихо, — запульсировало внизу живота? Потерпи, детка. Может, завтра я воспользуюсь своим вторым желанием.

Молчание. Она молчала. Дышала. Не говорила ни слова.

— Лика? Ты здесь? — спросил он, чувствуя её напряжение через телефон. Он улыбался. Широко. Наслаждался.

— Я буду готова в семь, — сказала она наконец. — Скорее закончим этот бред.

И отключилась.

Он посмотрел на телефон. На тёмный экран, где отражалось его лицо. Искренне засмеялся.

— Посмотрим сегодня, на что способен твой острый язычок, — сказал он сам себе.

Он подъехал к её дому ровно в семь.

Курил, прислонившись к машине. Ждал. Она вышла ровно в семь. Без опоздания. Это было странно — женщины всегда опаздывают. Заставляют ждать. Но она появилась в назначенное время.

Ладно. Значит, она не видит во мне мужчину, перед которым нужно строить из себя. Что ж... посмотрим.

Она вышла из подъезда. Белое платье струилось по фигуре, открывая плечи и ключицы. Босоножки делали её выше. Волосы — распущенные, мягкие волны. Никакой кричащей

косметики. Только лёгкий блеск на губах.

Она выглядела потрясающе. Не вульгарно. Чисто. Спокойно. Именно то, что больше всего заводит мужчин с широким кошельком.

Он открыл переднюю дверь и смотрел на неё.

— Ты прекрасно выглядишь.

Она посмотрела на него недовольно. Ничего не ответила. Просто села в машину.

Он улыбнулся, закрыл дверь, обошёл машину и сел за руль. Ему нравилось, как она тихо дерзит. Как молчит, но всем своим видом показывает, что не согласна.

Будет слаще её ломать.

Он посмотрел на неё. Она сидела ровно, сжав руки в коленях, смотрела вперёд.

— Ну что, готова? — спросил он.

— Рядом с вами я никогда не буду готова, — ответила она.

Он посмотрел на часы, завёл машину и тронулся.

— Так, — сказал он, переключая передачу. — Что тебе придётся сделать.

Она повернулась к нему.

— Вы помните — без интима?

Он резко посмотрел на неё. Потом на дорогу. Потом снова на неё.

— Чего ты боишься?

Она долго смотрела на него. Потом ответила:

— Да всего, что связано с вами.

Он усмехнулся. Про себя — но она это услышала.

И всё равно дерзишь.

— Я помню, — сказал он. — Без интима.

Он повернул на парковку у дорогого отеля.

— Слушай внимательно. Мы подъедем к отелю. Там закрытая вечеринка по приглашению. Ты идёшь туда одна. Находишь мужчину — Марата. — Он протянул ей телефон с фото. Смуглый, с чёрной бородой, в дорогом костюме. — Ты делаешь всё, что угодно, чтобы он поднялся с тобой в номер этого отеля. Скажешь, что остановилась в номере 222. Ключ — в сумочке.

Она смотрела на фото, потом на него. В глазах — ужас.

— Как... как я это сделаю?

— Не знаю, — ответил он спокойно.

— Если не справишься...

— Значит, ты не отдала моё желание, — перебил он. — Будет другое.

Он знал, что у неё, скорее всего, не получится. Сроки поджимали. Но он всё равно делал это. А вдруг? Она одна из немногих, кого он знает с мозгами. А Марат любит умных. Как он. Покорных.

Она смотрела на отель. Сжимала сумочку.

— А после? — спросила она тихо. — Ну, вдруг мы поднимемся в номер? Что тогда? Что мне делать? Как быть?

— Дальше не твоя забота, — сказал он.

— А если он захочет? — спросила она, и голос дрогнул.

— Не захочет, — ответил он уверенно.

Она вздохнула, прикрыла глаза. Он видел, как она нервничает. Он взял её за локоть. Она открыла глаза.

— Не бойся, — сказал он тихо. — Я буду рядом.

Она отдернула руку. Резко. С силой.

— Не притворяйся, что переживаешь за меня.

Он усмехнулся.

— Ого. Мы перешли на «ты»?

— Ты отправляешь меня в ад и мне выкатать что ли? — огрызнулась она.

Она открыла дверь, вышла и громко, показательно захлопнула дверь.

Он сидел в машине и смотрел, как она идёт ко входу в отель. Белое платье, распущенные волосы, прямая спина.

Чёрт возьми. Она не боится меня. Она злится. Она ненавидит. Но она идёт. Она выполняет. Какая же ты...

Он не договорил мысль. Просто смотрел, как она исчезает за стеклянными дверями отеля.

И впервые за много лет он не знал, чего хочет больше: чтобы она провалила это задание или чтобы она справилась.

Но она назвала меня ошибкой. Даже если она перепутала дверь. Даже если это была случайность. Она должна быть наказана. За это слово. За то, что посмела. И я сделаю это.

# Глава 11

Лица шла через холл отеля.

Белое платье струилось по фигуре, босоножки мягко ступали по мраморному полу. Она держала спину ровно, сжимала клатч в дрожащих руках и пыталась не смотреть по сторонам.

Я справлюсь. Я просто найду его, сделаю, что нужно, и уйду. И всё закончится.

Она увидела его сразу. Марат сидел за столиком у окна, потягивая что-то тёмное из бокала. Такой же, как на фото — смуглый, с чёрной бородой, в дорогом костюме. Рядом с ним сидели двое мужчин — телохранители, судя по виду.

Она сделала глубокий вдох и направилась к нему.

Проходя мимо, она намеренно споткнулась. Не сильно — так, чтобы привлечь внимание. И опустилась на одно колено рядом с его столиком, поправляя лямку босоножки.

Она знала, что он смотрит. Чувствовала его взгляд на своей спине, на открытых плечах, на том, как платье облегает её фигуру.

Она подняла голову и встретила с ним глазами.

— Простите, — сказала она мягко. — Я немного растерялась.

Он улыбнулся. Широко. Изучающе.

— Не за что, — сказал он. — Красивая девушка может

споткнуться в любое время.

Она улыбнулась в ответ. Внутри всё дрожало.

Я делаю это. Я могу.

Он протянул ей руку и помог встать.

— Присаживайтесь, — сказал он, указывая на стул рядом.

— Выпейте что-нибудь.

Она села. Он пододвинул к ней бокал с шампанским. Она взяла его, но не отпила. Просто держала в руках.

— Вы здесь одна? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Отдыхаю. У меня был тяжёлый день.

Он кивнул. Но в его глазах не было интереса. Он смотрел на неё так, как смотрят на красивую вещь — мимолётно, без желания.

Он не клюёт. Он просто вежлив.

Она видела, как он отвёл взгляд и посмотрел на телефон. Как его пальцы барабанили по столу. Он скучал. Она была для него просто ещё одной красивой девушкой, которая пытается привлечь внимание.

Я теряю его. Нужно что-то делать.

Она сделала вид, что снова поправляет лямку, и тихо сказала:

— Извините, но вы не могли бы помочь мне подняться в номер?

Он снова посмотрел на неё. В глазах — скука.

— Мой человек поможет, — сказал он и поднял руку, что-

бы позвать охрану.

Она не думала. Просто взяла его за кисть.

— Я бы хотела, чтобы вы помогли мне.

Он замер. Медленно перевёл взгляд на её пальцы, сжимающие его запястье. Потом на её лицо.

— Ну, — сказал он, оглядывая её с ног до головы, — раз так... пойдёмте.

Да! — закричало внутри неё. — Я сделала это! Я справилась!

Она почти улыбнулась, когда встала. Но он взял её под руку — и его ладонь скользнула на её бедро через разрез в платье. Слишком нагло. Слишком собственнически.

Ничего. Я перетерплю. Только бы довести до конца.

Они дошли до лифта. У дверей уже стоял ещё один мужчина — один из телохранителей. Марат что-то сказал ему на непонятном языке, и тот кивнул.

Лифт открылся. Марат наклонился к её уху и прошептал:

— Я надеюсь, у тебя все дыры рабочие. Придётся поработать за двоих.

Она замерла. Внутри всё оборвалось.

Её рука взметнулась сама собой. Пощёчина разнеслась по холлу, как выстрел.

Люди вокруг ахнули. Официанты замерли. Гости обернулись.

Марат не отшатнулся. Наоборот — наклонился к ней ближе, улыбнулся широко, обнажив зубы.

— А вот это ты зря, — сказал он тихо.

И затолкал её в лифт.

Следом зашёл его телохранитель.

Двери закрылись.

Она прижалась к стенке лифта, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. В кабине было тесно. Слишком тесно. Телохранитель стоял рядом, его рука легла на её плечо, сжала.

— Не дёргайся, — сказал он. — Будешь тихой — отпустим.

Она дрожала. Внутри всё кричало: Где он? Где Андрей? Он сказал, что будет рядом! Почему он не появляется?

Лифт остановился. На двадцать втором этаже.

— Это не мой этаж, — сказала она, пытаясь говорить твёрдо. — Мне нужно на двадцать шестой.

— Шагай давай, — сказал телохранитель и вытолкнул её из лифта.

Они провели её по коридору. Она пыталась сопротивляться, но он держал её за локоть так, что кости хрустели.

— Подождите! — закричала она. — Мне надо кое-что сказать! Я не должна здесь быть! Я...

Её затолкнули в номер и закрыли дверь за собой.

Она хотела признаться. Рассказать всё. Что это задание, что она просто выполняет желание, что она не та, за кого себя выдаёт.

Но телохранитель резко развернул её, прижал к стене и впился в её губы поцелуем.

Она задохнулась от отвращения. Попыталась оттолкнуть его, но второй — Марат — уже стоял сзади, сжимая её грудь через платье.

Она билась, пытаясь вырваться. Упала на пол, но они подняли её, зажали с двух сторон. Платье сползло с плеч. Она чувствовала их руки везде — на бёдрах, на талии, на груди.

Она не поняла, когда они успели раздеться. Один из них уже был без рубашки, его голое тело прижималось к её спине.

Хуже быть не может. Я думала, что хуже не может быть когда лежала привязанной на кровати. Я ошибалась. Это хуже. В тысячу раз хуже.

Слёзы текли по щекам не переставая. Они зажимали ей рот рукой, чтобы она не кричала. Но их губы были везде — на шее, на ключицах, на груди.

Она стояла в одном белье между двумя мужчинами в центре комнаты, и её разум начинал отключаться.

Где ты? Где ты, Андрей? Ты сказал, что будешь рядом. Ты обещал. Где ты?

Она не поняла, что произошло.

Вдруг — хлопок. Телохранитель, который держал её спереди, отлетел в сторону. Ещё один хлопок — и Марат упал на пол.

Она открыла глаза.

Перед ней стоял Андрей. Он дышал тяжело. В руке — пистолет, который он быстро убрал за пояс. Его глаза горели

— холодным, бешеным огнём.

Он смотрел на неё. Она была почти голой, в мокром от слёз белье, с распухшими от поцелуев губами и красными следами на коже.

Он шагнул к ней и прижал к себе.

Она разревелась. Громко. Отчаянно. Начала бить его в грудь кулаками, не понимая, что делает.

— Тихо-тихо, — шептал он. — Я здесь. Я пришёл.

Она продолжала бить его, царапать, отталкивать.

— Тихо, Лика, — повторил он. — Всё закончилось.

Она отшатнулась от него и посмотрела на пол.

Марат и его телохранитель лежали в лужах крови. Глаза открытые. Неподвижные.

Она закричала. Не в голос — беззвучно, одним ртом.

Всё поплыло перед глазами. Стены зашатались. Пол ушёл из-под ног.

Она теряла сознание.

— Нет, нет, Лика! — услышала она его голос. — Сейчас не время! Не теряй сознание, слышишь?!

Она почувствовала, как он суёт ей в рот таблетку.

— Глотай, — сказал он. — Глотай без воды, слышишь?!

Она проглотила. Механически. Не понимая, что делает.

И провалилась в темноту.

## Глава 12

Она проснулась от резкого, настойчивого звонка в дверь.

Сердце пропустило удар. Она села на кровати, оглядываясь по сторонам. Своя квартира. Своя комната. Свой потолок.

Как я здесь оказалась?

Она посмотрела на себя. Широкая мужская футболка. Чужая. Чёрная. Он пахла им. Она медленно подняла край футболки — под ней ничего. Нижнего белья нет.

Где моя одежда? Где моё бельё? Что произошло прошлой ночью?

В голове — пустота. Только обрывки. Темнота. Голос. Её собственный голос, который говорил что-то. Что-то, что она не могла вспомнить.

Звонок повторился. Настойчиво. Требовательно.

Она вскочила с кровати, подбежала к двери, посмотрела в глазок. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах. В голове пронеслось: Полиция. Или люди Марата. Они нашли меня.

Но за дверью стояла Настя.

Лица открыла дверь, и подруга влетела внутрь, как ураган.

— Лица! Твою мать! Что происходит?! Ты пропала! Ты ничего не говоришь! Я звоню тебе — ты не отвечаешь! Я переживаю за тебя! Где ты была?!

Ли́ка смотре́ла на неё, пытаясь собраться с мыслями. Голова гудела. Тело ломило. Она еле стояла на ногах.

— Настя, ничего не произошло, — сказала она, стараясь говорить ровно. — Просто завал на работе. И я... я уволилась. Или в отпуск. Я не знаю. Мне надо отдохнуть.

Она говорила это и сама не верила своим словам. Но внутри было пусто. Только одна мысль: Уехать. Сейчас. Быстро. Подальше от всего.

Она развернулась, забежала в спальню и начала кидать вещи в чемодан. Всё подряд. Джинсы, футболки, свитера. Не глядя. Не разбирая.

Настя стояла в дверях и смотрела на неё с ужасом.

— Ли́ка... ты не в себе. Что случилось?

— Ничего. Всё хорошо. Я просто устала.

Она закрыла чемодан, застегнула молнию и потащила его к выходу.

— Ты на машине? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да, но...

— Высадишь меня на вокзале?

Настя замерла. Потом медленно кивнула.

— Да, не проблема. Но куда ты? Почему так спешишь?

Ли́ка остановилась, взяла подругу за руку и посмотрела в глаза.

— Настя, я не могу сказать. Правда, не могу. Но мне нужно уехать прямо сейчас. Пожалуйста. Просто помоги мне.

Настя смотрела на неё несколько секунд. Что-то про-

мелькнуло в её глазах — страх, тревога. Но она кивнула.

— Хорошо. Поехали.

Они вышли из квартиры. Лика закрыла дверь, сунула ключи в карман. И столкнулась с Кириллом.

Он стоял в подъезде, прислонившись к стене, с сигаретой в руках. Увидел её и сразу шагнул вперёд.

— Лика!

- Только не это, — пробормотала она. — Его мне сейчас не хватало.

— Лик, прости меня, — начал он. — Давай поговорим. Я всё понял. Я сделал ошибку. Я...

— Кирилл, — перебила она холодно. — Мне не до тебя. Уходи.

Она прошла мимо него, таща чемодан.

— Куда ты? — крикнул он ей вслед.

— Твоё какое дело? — вмешалась Настя, отодвигая его плечом. — Не лезь.

Она помогла Лике донести чемодан до машины, закинула его в багажник. Они сели. Настя завела двигатель.

— Куда ты собираешься? — спросила она.

— К маме. Поживу у неё пока.

Настя повернулась к ней.

— Ты уверена? Может, ко мне?

— Нет, Насть. Мне нужно к маме.

— Ты же говорила, что тебя напрягает её муж. И его сын. Что он смотрит на тебя странно.

Ли́ка закрыла глаза. Воспоминание — слабое, размытое — промелькнуло в голове. Сын отчима. Матвей. Ей тогда было шестнадцать, ему — двадцать три. Он всегда смотрел на неё так, будто видел насквозь. И она боялась оставаться с ним наедине.

— Насть ему сейчас тридцать, — сказала она тихо. — Он наверное уже живёт своей жизнью. Отдельно. И тогда мы были детьми. Всё прошло.

— Ну, ты знаешь, что можешь приехать ко мне, — сказала Настя. — В любое время.

Ли́ка посмотрела на неё. В глазах подруги — беспокойство и любовь. Она хотела сказать правду. Но не могла. Слова застревали в горле.

— Спасибо, — сказала она. — Я правда благодарна тебе. И я не могу сказать...

— Ли́ка? — Настя притормозила у вокзала. — Это точно не из-за того, что я перепутала мужа той стервы?

Ли́ка замерла. Внутри всё сжалось. Она хотела крикнуть: **ДА! ИМЕННО ИЗ-ЗА ЭТОГО!**

Но она посмотрела на подругу и увидела, как та переживает. Как винит себя. Как боится, что это её вина.

— Нет, — сказала Ли́ка и улыбнулась. — Конечно нет. Это тут ни при чём.

Она вышла из машины, взяла чемодан, помахала Насте и вошла в здание вокзала.

Автобус трясся по дороге три часа. Ли́ка смотрела в окно,

не видя пейзажа. В голове — обрывки. Тьма. Голос Андрея. Её собственный голос.

«Я хочу... сделай это... завяжи меня...»

Она тряхнула головой, пытаясь прогнать видение. Это не могло быть правдой. Она бы не стала просить такое. Она ненавидела всё, что он делал. Она хотела забыть его.

Почему я помню только это? Почему я не помню, что было потом?

Мама встретила её тепло. Обняла, поцеловала, отстранилась и внимательно посмотрела.

— Лика, ты бледная. Ты плохо выглядишь.

— Устала, мам. Просто устала.

Отчим стоял в дверях гостиной, улыбался. Высокий, седой, в дорогом свитере. Он выглядел радушно. Как всегда.

— Лика, проходи, мы тебе рады, — сказал он. — Гостить будешь?

— Да, если можно. На неделю. Или две.

— Конечно. Комната для тебя готова. Матвей сейчас редко бывает, так что можешь чувствовать себя как дома.

Она замерла на секунду.

— Матвей живёт здесь?

— Ну, он приезжает иногда. Но у него своя жизнь, своя работа. Ты его почти не увидишь.

Лика выдохнула. Маленькое облегчение.

Она прошла в свою комнату — ту же, где жила в подростковом возрасте. Закрыла дверь, села на кровать, сжала голо-

ву руками.

Что со мной происходит? Где я была? Что я сделала?

Она не знала ответов. Она не знала, как жить дальше с тем, что она пережила. С тем, что она почти ничего не помнила.

Она легла на кровать, закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений.

Она проснулась от тишины. Дом был пустым — мама с отчимом уехали по делам. Она спустилась на кухню, налила чай и села за стол.

И вдруг — звук.

Шаги. Наверху. Кто-то был в доме.

Она замерла. Сердце заколотилось.

— Лика? — раздался голос.

Мужской. Низкий. Знакомый.

Она подняла глаза. На лестнице стоял Матвей. Сын отчима. Ему было тридцать, но выглядел он моложе — высокий, подтянутый, с тёмными волосами и цепким взглядом. Он смотрел на неё так же, как и тогда, шесть лет назад.

— Привет, — сказал он. — А ты выросла.

Лика сглотнула.

— Привет, Матвей.

Он спустился и сел напротив неё. Наклонился ближе.

— Ты что-то бледная. Что-то случилось?

— Нет. Всё хорошо.

Он усмехнулся.

— Ты всегда так говорила, когда что-то было не так. Помнишь?

Она не ответила. Внутри всё сжалось. Его близость давила.

Он вдруг наклонился к её уху и прошептал:

— Я слышал, ты была в городе с каким-то мужчиной. Бизнесменом. У него клуб «Гамбит». Я прав?

Лица застыла.

— Откуда ты...

— У меня везде друзья, — сказал он и отстранился, улыбаясь. — Просто хотел убедиться, что у тебя всё в порядке.

Она смотрела на него, и внутри рос холодный страх.

Он знает. Он знает об Андрее. Что ему нужно?

Она не знала, что ответить. Только сжимала кружку с остывшим чаем и пыталась дышать.

## Глава 13

Ужин проходил в напряжённой тишине.

Лика сидела за столом, ковыряя вилкой салат, стараясь не поднимать глаз. Мама что-то рассказывала про соседей, отчим согласно кивал, но Лика не слышала ни слова. Она чувствовала на себе чужой взгляд.

Матвей сидел напротив. Не сводил с неё глаз. Долгий, изучающий, цепкий взгляд. Не угрожающий. Хуже. Он смотрел на неё так, будто знал о ней что-то, чего не знала она сама.

— Лика, — сказал он неожиданно, и его голос прозвучал слишком громко в тишине столовой. — Ты хорошо знаешь город?

Она подняла глаза. Замерла.

— Что?

— Ну, говорят, там сейчас частные закрытые клубы на каждом углу, — продолжил он, откидываясь на спинку стула. — Я слышал, есть такие места, куда просто так не попасть. Ты не знаешь, о чём я?

Отчим нахмурился и посмотрел на сына.

— Матвей, откуда ей знать о таких клубах? Она же не ходит по ним. Что за странные вопросы?

Матвей улыбнулся — спокойно, расслабленно.

— Просто интересуюсь, пап. Лика живёт в городе, работает там. Может, слышала что-то.

Лица чувствовала, как внутри всё сжимается. Она знала, о чём он говорит. Она знала, на что намекает. Но не могла понять — откуда он знает?

— Спасибо, — сказала она резко, вставая. — Извините, но я поднимусь к себе. Устала с дороги.

Она не смотрела на Матвея, когда выходила из-за стола. Но чувствовала его взгляд на своей спине до самой лестницы.

\*\*\*

Она зашла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, тяжело дыша.

Что он знает? Откуда? Как он мог видеть меня в том клубе? Я была там всего один раз. И мы с Андреем нигде не показывались вместе.

Она подошла к окну и уставилась в тёмное стекло. Внутри роились мысли, обрывки воспоминаний, страхи.

Андрей убил их. Я видела. Я была там. Я стала свидетелем... соучастником... кем?

Она сжала голову руками, пытаясь вспомнить, что было потом. После того, как она потеряла сознание в той комнате. После того, как он дал ей таблетку.

Я проснулась у себя дома. В его футболке. Без белья. Что он делал со мной после того, как я уснула? Что я сделала?

В голове — только тьма. И обрывки голоса. Её собственного голоса.

«Завяжи меня... сильнее... я хочу...»

Она тряхнула головой, прогоняя видение. Это не могло быть правдой. Она бы не стала просить такое.

Стук в дверь заставил её вздрогнуть.

Она знала, кто это. Затаила дыхание, надеясь, что он уйдёт. Но стук повторился. Настойчивее.

Она подошла к двери, открыла её и встала в проёме, преграждая путь. Давая понять, что не впустит его.

Матвей стоял в коридоре. В одной руке — бокал с вином, другая — в кармане брюк. Он смотрел на неё с прищуром.

— Чего тебе, Матвей? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Он усмехнулся, сделал глоток вина, не сводя с неё глаз.

— На твоём месте я был бы полюбезнее, Лика.

Она сжала дверную ручку.

— Что ты хочешь этим сказать? Говори, что хотел. Я устала, хочу отдохнуть.

Он смотрел на неё с интересом, не двигаясь с места. Посмотрел назад, на лестницу, потом снова на неё. И произнёс — тихо, почти шёпотом:

— Я хочу сказать, чтобы ты не грубила человеку, который буквально вчера видел тебя без сознания на плече хозяина клуба «Гамбит» и жестокого садиста.

Всё внутри неё оборвалось.

Она схватила его за руку — ту, что была с бокалом — и резко затолкнула в комнату, захлопнув дверь.

Он засмеялся. Громко, довольно. Прошёл в центр комна-

ты, огляделся. Одна рука до сих пор в кармане, другую она держала — и только сейчас поняла, что всё ещё сжимает его запястье.

Она резко отпустила, отступила назад, словно обожглась.  
— Так-то лучше, — сказал он, улыбаясь. — Теперь мы можем поговорить как взрослые люди.

Она смотрела на него, пытаясь унять дрожь.

— Ты о чём сейчас?

— А тебе что интересно — первое или второе?

Она сглотнула.

— Оба.

Матвей сделал шаг к ней, остановился. Его лицо стало серьёзным.

— В каком часу это было? — спросила она. — Он меня нёс... туда или вынес? Я потеряла сознание в другом месте.

Матвей усмехнулся. В глазах — любопытство и что-то ещё. Что-то опасное.

— Ооо, мать, — протянул он. — Ты, по ходу, нажила себе серьёзных проблем, если оказалась в этом клубе и с его хозяином.

— В каком смысле?

Он подошёл ближе. Слишком близко. Она чувствовала запах его одеколona. Слышала его дыхание.

— Ли́ка, ты вообще знаешь, кто он? — спросил он тихо. — Андрей Сергеевич. Бывший военный. Был в горячих точках. Садист, убийца. Он не подчиняется никому. Никаким

законам. И он... — Матвей сделал паузу, — он ненавидит женщин. Все об этом знают.

Она замерла. Слова впились в неё, как иглы.

— Он жестокий. Беспощадный. Он использует их и выбрасывает, как мусор. Ты знаешь об этом? — продолжал Матвей. — Он держит женщин в подвале. Слышала? Цепи, кляпы, плётки. Он ломает их. А ты... ты была у него на руках, Лика. Ты не понимаешь, насколько это опасно?

Она смотрела на него. Внутри всё дрожало. Она не знала, что сказать.

— Что ты видел? — спросила она еле слышно. — В тот вечер?

Матвей сделал ещё один шаг к ней. Она не отступила. Он наклонился к её уху.

— Это было около четырёх утра. Он нёс тебя на руках. Ты была в чёрной футболке. Босая. Волосы растрёпаны. Он положил тебя в машину и увёз. Я хотел подойти, забрать тебя. Но... — он усмехнулся, — кто посмеет забрать что-то у такого человека?

Она отшатнулась от него. Схватила за край кровати, чтобы не упасть.

— Ты поэтому приехал сюда? — спросила она хрипло. — Узнать, жива ли я?

— Я приехал к твоей матери, — сказал он, пожав плечами. — Хотела узнать у неё, как ты. Сказал, что скучаю по семье. Она сказала, что ты здесь. Я стал ждать, пока ты проснёшься.

Он посмотрел на неё. И в его взгляде появилось что-то новое. Не насмешка. Не опасность.

Странная, почти человеческая тревога.

— Лика, он опасен. Не просто опасен — смертелен. Что бы между вами ни было... тебе нужно держаться от него подальше. Иначе он убьёт тебя. Или сломает. И ты, — он помедлил, — ты этого не переживёшь.

Она смотрела на него, не дыша. Слова застряли в горле.

Она хотела сказать, что уже всё понимает. Что она уже сломана. Что она уже пережила такое, что не вспомнить.

Но вместо этого она просто кивнула.

— Я поняла, — сказала она тихо. — Спасибо. Иди, Матвей. Пожалуйста.

Он смотрел на неё несколько секунд. Потом медленно развернулся и вышел из комнаты.

Лика стояла посреди комнаты, глядя на закрывшуюся дверь.

Он знает. Он всё знает. И он прав. Мне нужно бежать.

Но, куда?!

## Глава 14

Неделя прошла как в тумане.

Ли́ка почти не выходила из комнаты. Спускалась только к столу, когда мама звала, и сразу поднималась обратно. Она боялась каждого шороха, каждого звонка в дверь, каждого незнакомого номера на телефоне.

Он знает, где я. Он всегда знает. Он найдёт меня. Я должна ему желание. Если я не выполню — он накажет. А если он подумает, что я была свидетельницей...он убьёт меня.

Она не знала, кем была в ту ночь. Жертвой? Свидетельницей? Соучастницей? Она ничего не помнила после таблетки. Только обрывки. Темнота. Голос. Её собственный голос, который говорил что-то, что она не хотела вспоминать.

За эту неделю она видела Матвея только один раз. Коротко. Он остановил её в коридоре и сказал:

— У него в молодости был позывной «Хищник». Ты знала об этом?

Она тогда только покачала головой и ушла. Но слово застряло в голове. Хищник. Оно идеально подходило ему.

Сегодня она решилась.

Было поздно. Дом затих. Мама и отчим ушли спать. Ли́ка сидела в своей комнате и смотрела в потолок, когда набрала номер Матвея.

— Я хочу поговорить. Спустись в кабинет отца. Не под-

нимайся ко мне. Пожалуйста.

Он приехал через сорок минут.

Она спустилась в кабинет, когда услышала, как открылась входная дверь. На ней была домашняя одежда — тонкая майка и короткие шорты. В доме было жарко, кондиционеры не справлялись.

Матвей стоял у стола, в руках — бокал с виски. Он повернулся, когда она вошла, и его взгляд скользнул по её фигуре. С ног до головы. Так же, как тогда, много лет назад. Как всегда.

Она почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Не от страха. От того, как он смотрел на неё.

— Зачем ты меня позвала? — спросил он тихо.

Она зашла за кресло, чувствуя себя неудобно.

— Хочу кое-что спросить.

Он шагнул к ней. Она отступила. Он снова шагнул. Она снова отступила, пока не упёрлась в стену.

— Почему ты ходишь за мной? — спросила она резко.

— А почему ты всё время уходишь? — ответил он вопросом на вопрос.

— Мне не нравится, когда ты так смотришь.

— Как?

— Матвей, пожалуйста, — сказала она, и голос дрогнул.

— Мне сейчас не до тебя. У меня реальные проблемы.

Он наклонился к ней, почти касаясь губами её уха.

— Какие проблемы, Лика? Расскажи мне...

И в этот момент стекло взорвалось.

Они ворвались с неба. Буквально с неба. Двое в чёрном, в масках, с автоматами в руках. Один приземлился на пол, второй спустился на тросе, разбив окно в щепки.

— Руки! — рывкнул первый. — Руки вверх! Глаза вниз! Не смотреть на нас!

Лица закричала, но звук застрял в горле. Она инстинктивно спряталась за спину Матвея, вцепившись в его футболку. Её пальцы дрожали так сильно, что она еле держалась.

Матвей стоял ровно. Спокойно. Руки поднял медленно, без паники.

Первый держал их на прицеле. Второй начал обыскивать комнату, и Лица краем глаза видела, как он движется к двери.

Потом второй развернулся. Пошёл к ним.

Первый смотрел на Матвея. Что-то в его взгляде изменилось. Лица видела это — секундное замешательство. Непонимание.

Он подошёл ближе.

И вдруг Матвей резко двинулся. Удар головой в лицо. Матвей схватился за нос, он упал на пол, и Лица слышала, как он выругался.

Тяжело дыша. Кровь капала на паркет.

Она смотрела на Матвея, лежащего на полу, потом на человека в маске. Он поднял глаза на неё и шагнул к ней. Она отступила. Ещё шаг — она у стены.

— Пожалуйста... — прошептала она.

Его пальцы сжали её горло. Не сильно. Просто прижали к стене. Она видела только его глаза. Чёрные. Холодные. И вдруг — узнала их.

Она не знала, почему сказала это. Слова вырвались сами.

— Хищник... это ты?

Пальцы разжались.

В его глазах — удивление. Чистое, неподдельное удивление. Он смотрел на неё, и она чувствовала, как его рука дрожит на её шее.

И в тот же миг — сирена. Пронзительная, громкая, режущая уши.

Она не поняла, когда Матвей нажал кнопку тревоги у стола.

Они исчезли так же быстро, как появились. Через разбитое окно. В ночь.

Лица сползла по стене на пол.

Всё тело дрожало. Дыхание было рваным, прерывистым. Она сидела на холодном полу, обхватив колени руками, и не могла остановить дрожь.

Матвей подошёл к ней. Сел рядом. Не касался. Просто сидел.

— Лица... — сказал он тихо. — Ты как?

Она не могла говорить. Только качала головой.

Он был здесь. Он пришёл за кем-то. Он видел меня. Случайно. И я назвала его позывной. Я назвала его Хищником.

Глупая. Какая же я глупая.

Она подняла глаза на разбитое окно. Холодный ночной воздух врывается в комнату, раздувая шторы. Она смотрела в темноту и знала — он смотрит оттуда. Он слышал. Он знает, что она узнала его.

А значит — она теперь не просто свидетель.

Она теперь — мишень.

Полиция приехала через двадцать минут.

Мама и отчим спустились вниз, бледные, испуганные. Дом был оцеплен. Начался допрос.

— Вы что-нибудь видели? — спрашивал следователь. — Их лица? Особые приметы?

Лица сидела на диване, кутаясь в плед, который накинула мама. Она качала головой.

— Ничего, — сказала она. — Я ничего не помню. Они были в масках. Мне страшно. Я ничего не видела.

Она врала. И врала хорошо.

Потому что она знала. Она знала, кто это был. Она знала, зачем он пришёл.

Он пришёл за кем-то, кто живёт в этом доме. И скорее всего за ней.

Матвей сидел напротив. Его нос был разбит, под глазами темнели синяки. Он смотрел на неё внимательно. И в его взгляде она читала тот же вопрос, который крутился в её голове.

За кем он пришёл? За отчимом? За мамой? За ним?

Она закрыла глаза и почувствовала, как внутри разливается холод.

Или за мной?

Когда полиция ушла, она поднялась к себе. Села на кровать, глядя в тёмное окно.

Она знала, что не уснёт. Она знала, что он теперь будет преследовать её во сне. Она знала, что он её не отпустит.

Она не знала только одного — хочет ли она, чтобы он это сделал.

В голове — снова обрывок воспоминания. Её собственный голос:

«Завяжи меня... сильнее... я хочу чувствовать это...»

Она откинулась на подушку и зажмурилась.

Что ты делаешь со мной, Хищник?

## Глава 15

Он нёс её по коридору отеля. Белое платье обвисло на её плечах, голова безвольно лежала на его груди. Она была лёгкой. Слишком лёгкой. Как ребёнок.

Идиотка. Ты должна была быть в номере 222. Ты должна была привести его туда. А ты умудрилась вляпаться в самое дерьмо.

Он нёс её по лестнице. Лифт был заблокирован — он знал. Он перекрыл все выходы. Но когда увидел пустой лифт на 26 этаже, внутри что-то оборвалось.

Где она? Что они с ней сделали?

Он искал их. Этаж за этажом. Номер за номером. Он слышал её крик за три комнаты. И когда ворвался — увидел их.

Двое. Голые. Она между ними, почти без сознания, в одном белье.

Он не думал. Он просто действовал. Два выстрела. Глушитель. Тела упали на пол.

Свидетелей не оставлять. Я никогда не оставлял свидетелей. Это правило. Написанное кровью.

Он посмотрел на неё. Она стояла, дрожа, глядя на тела. И её глаза начали закатываться.

Он подхватил её, чтобы она не упала. Внутри — ярость и странное, липкое чувство. Страх? За неё?

Что ты делаешь со мной, девочка?

Он дал ей таблетку. Прямо в рот. Без воды. Чтобы она пришла в себя, чтобы могла идти. Чтобы не привлекать внимание.

В номере 222 он положил её на кровать. Хотел уйти. Оставить её. Сделать всё чисто — как всегда. Думал и её убрать. Свидетельница ненужная.

Но она открыла глаза.

Резко. Как будто не спала вовсе.

Зрачки расширены. Таблетка уже действовала, но не так, как он ожидал. Она не была сонной. Она была... другой.

— Ты... — прошептала она.

И улыбнулась.

Он схватил её за руку и потащил вниз. На выход. К машине. Она шла, спотыкаясь, смеясь. Её смех был негромким, но он разрывал тишину парковки.

— Тише, — сказал он резко. — Молчи.

Она не слушала.

Он открыл дверь машины, толкнул её внутрь. Захлопнул дверь. Обогнул машину, сел за руль. Завёл двигатель.

И в тот же миг она открыла люк.

Встала на сиденье, высунулась в люк, кричала что-то неразборчивое в ночное небо. Её платье развевалось на ветру, волосы летели назад.

Он выругался сквозь зубы.

— Сядь! Немедленно сядь!

Она не слушала. Она смеялась, кружилась, танцевала на

сиденье.

Он схватил её за бедро, дёрнул вниз. Она упала на сиденье рядом с ним и, не обращая внимания на то, что он ведёт машину, перекинула ногу через него и села к нему на колени.

— Ты... — прошептала она и прильнула к его губам.

Он не видел дороги. Машина вильнула. Он чувствовал её вкус — сладкий, с привкусом вина и таблеток. Её губы были влажными, горячими, настойчивыми.

Чёрт возьми. Она сумасшедшая. Что она делает со мной?

Он должен был уехать. Замести следы. Но её пальцы уже расстёгивали его рубашку.

Он завернул в тёмный двор старой многоэтажки. Выключил двигатель. Тьма. Тишина. Только её дыхание.

Она снова прильнула к его губам. Дерзко. Жадно.

— Остановись, — прошептал он, не веря себе.

— Не хочу, — ответила она.

Её руки скользнули по его груди. Он сжал её бёдра так сильно, что она ахнула. Подалась ближе. Она была горячеей, мокрой, безумной.

Он сорвал с неё платье. Оно порвалось с тихим треском. Она откинула голову назад, засмеялась, запустила пальцы в его волосы.

— Тишшш... — прошептала она. — Тишшш...

Он вошёл в неё. Жёстко. Грубо. Без подготовки. Она застонала, выгнулась, царапнула его спину.

— Да... — прошептала она. — Да...

Он двигался в ней быстро, глубоко. Машина раскачивалась. Стёкла запотели. Он видел её лицо в темноте — глаза прикрыты, губы приоткрыты, дыхание сбито.

Она кончила первой. Её тело сжалось вокруг него, и она закричала — громко, отчаянно, не стесняясь.

Он кончил следом. С рычанием. Сжимая её так, что на бёдрах остались синяки.

Она упала ему на грудь, обняла, прошептала что-то неразборчивое. Он не понял ни слова.

Они приехали в клуб.

Он завёл её внутрь, усадил на диван в своём кабинете.

— Сиди здесь. Тихо. Поняла? Не смей дышать.

Она приложила палец к губам и громко сказала:

— Тшшшш...

Он засмотрелся в её глаза. Наивные. Горящие. Не понимающие, что они творят. Её лицо было расслабленным, счастливым. Как у ребёнка.

Она захихикала. Тихо. Снова приложила палец к губам.

— Тшшшш...

Он понял — таблетка действует. Доза была слишком большой для неё. Она должна была просто расслабиться. А она вытворяла что-то невероятное.

Он отошёл к окну, достал телефон. Нужно было сделать звонок. Доложить, что всё пошло не по плану.

Он говорил с человеком, стоя спиной к ней. Когда он развернулся — телефон выпал из рук.

Она лежала на его столе.

Голая. Белая кожа светилась в полумраке. Ноги раздвинуты. Она приложила палец к губам.

— Тшшш...

И поманила его этим пальцем.

— Да чтоб тебя, девочка, — прошептал он. — Что ты творишь?

Он отшвырнул телефон ногой, сдёрнул рубашку через голову и пошёл к ней.

Он взял её жёстко. На столе. Она была мокрой, податливой, безумной. Он двигался в ней грубо, громко, не сдерживаясь. Она кричала, царапала его спину, умоляла не останавливаться.

— Ещё... ещё... — шептала она.

Он дал ей всё. Всё, что хотел. И ещё.

Когда они закончили, она лежала на столе без сил, с закрытыми глазами, улыбаясь.

Он отнёс её в спальню. В ту самую. С цепями. С кожаным креслом. С ремнями.

Уложил на кровать, накрыл простынёй.

— Спи, — сказал он. — У меня дела.

Она не ответила. Она уже спала.

Он вышел, сделал несколько звонков. Всё по делу — убрать тела, подчистить записи, замести следы. Рутинка. То, что он делал сотни раз.

Но он думал о ней.

Он вернулся в спальню. Она спала. Тихо. Спокойно. В его футболке.

Он лёг рядом, глядя в потолок.

Зачем я впутал её в это? Зачем я не оставил её там, в номере? Как теперь избавиться от неё?

Но он знал ответ. Он не избавится. Она уже была внутри него.

Он закрыл глаза и провалился в сон. Он не понял, как это случилось. Он никогда не засыпал так быстро.

Он проснулся от резкого звука.

Разрываемая ткань. Нож. Кто-то резал его одежду.

Он машинально потянулся к пистолету под подушкой. Но рука не поднималась.

Он открыл глаза.

Он был прикован к кровати. Обе руки — к изголовью. Обе ноги — к ножкам кровати. Широко разведены в стороны.

Она стояла над ним. В одних трусиках и его чёрной футболке. В руке — нож. Её глаза были ясными. Трезвыми. Холодными.

— Доброе утро, Зверь, — сказала она. — Хочешь, я покажу тебе, что такое быть на цепи?

## Глава 16

Он смотрел на неё удивлённо.

Она стояла над ним с ножом в руке. В его чёрной футболке. Босая. Волосы растрёпаны. Глаза — холодные, ясные, трезвые. Она была не той пьяной девочкой, которую он привёз сюда.

Охуеть. Она реально решила меня поиметь. Ну, сука, ты заплатишься за это.

— Детка, — сказал он спокойно. — Не играй с ножом. Отстегни наручники.

Она смотрела на него из-под полуопущенных век.

— Ты думаешь, я послушаюсь?

— Конечно, слушаешься. Ты знаешь, что я это просто так не оставлю.

— Ты не в том положении, чтобы говорить о таких вещах, — сказала она и дёрнула наручники на его руке, проверяя, надёжно ли затянуты.

Он дёрнулся. Дёрнул ногами. Бесполезно. Она приковала его на совесть.

Чёрт, сука, она умеет затягивать ремни. Откуда, блядь, такие навыки?

Она продолжила резать брюки. Медленно. Аккуратно. Нож скользил по ткани, оставляя ровные разрезы.

Когда она оказалась у его паха, он напрягся. Впервые за

долгие годы он реально испугался.

— Оу-оу, детка, поосторожнее, — сказал он, и в голосе промелькнула тревога. — Ты понимаешь, что ты можешь повредить ценный артефакт?

Она подняла на него глаза. Улыбнулась.

— Если ты не заткнёшься, я отрежу этот артефакт.

Она перешла на рубашку. Резала рукава, открывая его руки. Медленно. С наслаждением. Он смотрел на неё и пытался улыбаться, хотя внутри всё кипело.

— Лика, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Послушай меня. Ты не хочешь делать этого. Ты просто злишься. Отстегни меня, и мы поговорим как взрослые люди.

Она фыркнула и провела ножом по его предплечью. Не глубоко. Просто линия. Кровь выступила тонкой полоской.

— Ой, — сказала она. — Кажется, я порезала тебя. Прости.

— Ты делаешь это нарочно, — сказал он, сжимая зубы.

— А ты догадливый, — усмехнулась она.

Она отрезала последний кусок рубашки. Он остался лежать в одних боксерах. Голый. Завязанный. Беспомощный.

Вот сука. Ну ничего. Я запомню это. Ты ещё пожалеешь.

— И что ты собираешься делать? — спросил он, пытаясь сохранять спокойствие. — Изнасиловать меня?

Он улыбнулся. Широко. Нагло.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.